

ИНГАР ЙОНСРУД

18+

«Ингар Йонсруд в очередной раз доказал, что он непревзойденный мастер жанра».

**Forsvarets Forum,
Norway**

ВАЛИНГО

Триллер по-скандинавски

Ингар Йонсруд

Калипсо

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

Йонсруд И.

Калипсо / И. Йонсруд — «Издательство АСТ», 2016 — (Триллер по-скандинавски)

ISBN 978-5-17-102192-4

На вилле в пригороде Осло найдено тело мужчины. Согласно экспертизе, останки принадлежат человеку, который погиб двадцать лет назад в ходе военной операции, а владелица особняка, старая вдова, бесследно исчезла. Вскоре после этого на другом конце города обнаруживают второй труп. На теле неизвестного следы жестоких пыток. Главный инспектор Фредрик Бейер уверен, что эти убийства связаны, но кто-то настойчиво пытается помешать ходу расследования и путает карты. Детектив вновь вынужден искать улики не только в настоящем, но и в прошлом. Бейер не сомневается, что они идут по следу преступника, которому больше нечего терять, а значит, он пойдет на все, чтобы утолить свою жажду мести. «Калипсо» Ингара Йонсруда – это виртуозное исследование тайн человеческой души, массового сознания и философии истории.

УДК 821.113.5-312.4
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-102192-4

© Йонсруд И., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	19
Глава 8	21
Глава 9	23
Глава 10	24
Глава 11	26
Глава 12	30
Глава 13	32
Глава 14	33
Глава 15	35
Глава 16	37
Глава 17	39
Глава 18	42
Глава 19	44
Глава 20	46
Глава 21	49
Глава 22	52
Глава 23	54
Глава 24	57
Глава 25	59
Глава 26	61
Глава 27	62
Глава 28	64
Глава 29	66
Глава 30	69
Глава 31	71
Глава 32	74
Глава 33	75
Глава 34	77
Глава 35	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Ингар Йонсруд

Калипсо

Каждый раз, когда где-то появлялись новый метод лечения или новая вакцина, мы приступали к работе в лабораториях, пытаясь найти путь, чтобы преодолеть возможные побочные эффекты от их применения.

Кен Алибек, бывший вице-президент тайной программы биологического оружия Советского Союза «Биопрепарат», из книги «Биогазарт»

Ingar Johnsrud
KALYPSO

© Ingar Johnsrud 2016

©Назарова М., перевод, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Часть первая

Глава 1

Осло, восемью годами ранее

Так бывает каждое лето. На несколько дней на страну опускается такая тропическая жара, что кажется, будто воздух дрожит. Асфальт плавится как масло, трамвай обдает тела жаром, и всякий норвежец, забыв где живет, проклинает жару.

А потом зима восстанавливает баланс.

Было так холодно, что кожаная форменная куртка затвердела и прилипла к телу, когда Фредрик Бейер поднял руку и постучал в дверь.

Широкие шторы закрывали обзор в окнах деревянного дома в Галгёберге, покрашенного желтой краской, сооружения тех времен, когда Осло еще назывался Кристианией, а нечистоты сливали на улицы. Но из трубы шел дым. Сосед сообщил, что услышал крики полчаса назад.

Полицейский бросил взгляд через плечо. Его коллега, Андреас Фигерас, стоял позади. Промерзшие очки леденили переносицу, а льдинки на усах растаяли, когда Фредрик провел языком по уголкам рта. Жилье находилось в распоряжении районного отделения организации по охране семьи, и здесь жила русская женщина с сыном. Они убежали от отца мальчика. Фармацевта по имени Педер Расмуссен.

Имя не из тех, за которые можно зацепиться.

Мальчику, открывшему дверь, на вид было даже меньше, чем первокласснику, но Фредрик знал, что ему восемь. Когда Фредрик поднял голову, чтобы осмотреть темный коридор, в лицо ударил горячий пар.

Должно быть, Андреас заметил тень в низком дверном проеме в детской комнате, и, видимо, разглядев револьвер в руках мужчины, понял, что темные пятна на рубашке – кровь, а пар шел от включенного душа в ванной. Но Фредрик ничего не видел. Стекла его очков покрылись испариной, и как только он поднес руки к лицу, огромная рука схватила его за воротник куртки и втащила в прихожую. Андреас не успел удержать коллегу, и удар рукояткой револьвера сбил Фредрика с ног.

Хлопнула дверь, он услышал писклявый испуганный голос мальчика, и стены сомкнулись.

На лбу проступил липкий пот. Влагодой покрыто горло, там, где жмет рубашка, и ниже по спине. Ноги в зимних сапогах на подкладке пропотели насквозь. Тихо всхлипнув, Фредрик стал хватать ртом воздух, но втянул в рот лишь темную ткань, тряпичный мешок, который надели ему на голову, его охватил приступ клаустрофобии. Он попытался брыкаться, но ноги оказались связаны, руки тоже были замотаны скотчем за спиной. Желтые ворсинки ковра кололи пальцы. Фредрик вытягивался, сворачивался и выгибал спину дугой, в глазах темнело, но ему удалось овладеть собой. Не обращая внимания на пылающие молнии перед глазами, считать, считать медленно, задержать дыхание, дышать, задержать и выдохнуть снова. Ждать.

Рукоятка, скорее всего, угодила по залысине, потому что дрожь начиналась отсюда. Когда Фредрик лежал спокойно, боль становилась сильнее, но вскоре приступ начал ослабевать. Легкие наполнились воздухом, ему удалось получить контроль над дыханием, над телом, над разумом. Пульс снизился.

Фредрик прислушался. Бодрое напевание сумасшедшего и звук струй душа об эмалированную сталь. Он узнал песню. Моряк Попай¹.

«I'm Popeye the Sailor Man. I'm Popeye the Sailor Man. Hmm mmm mmm hmm. I'm Popeye the Sailor Man. Tut tut!»²

Он понял, что лежит в коридоре, а нападавший возится в ванной. Запястья были липкими, и он застыл от неожиданной мысли. Его порезали ножом? И тут до него дошло. Лихорадочными движениями стал напрягать мышцы, и скотч ослабился. Влага смешалась с клеем, и тот стал липким и подвижным. Фредрик начал осторожно тереть руки друг о друга.

– Папа? Кажется, они идут.

Высокий голос с другого конца коридора. Видимо, мальчик стоит у двери.

– Ту-ту! – прогремел мужской голос. – Шлепай сюда.

Фредрик услышал шаги рядом с собой, вытянулся и рывком сел. Мужчина поставил ступни по обе стороны от него, сорвал наволочку с его головы, из-за капель крови на стеклах очков Фредрику пришлось напрячь глаза, чтобы сфокусировать взгляд.

Боже мой.

Фармацевт Педер Расмуссен был старше него, грузный и с грубо очерченными мышцами от плеч к шее. Он снял рубашку, вся грудь была в пятнах крови. Потом сел верхом на ноги Фредрика. Темные, застывшие как желе волосы и косящие глаза. Из десны между передним зубом и клыком сочилась кровь, должно быть, он так сильно сжал челюсти, что корни зубов сместились. Одной рукой он мертвой хваткой вцепился в воротник рубашки Фредрика, размахивая револьвером в другой.

Фредрик сидел спиной к входной двери. Но по бегающим глазам Расмуссена он понял, что за шторами что-то происходит.

– Я снесу башку этой свинье! – прокричал он. – Если вы прикоснетесь к двери, я снесу ему башку!

Дуло пистолета направлено в лоб. Запах пота, тяжелое дыхание перечной мятой. Мужчина с голым торсом встретился с ним взглядом. Фредрик искал в этих глазах умного академика Педера Расмуссена, так про него говорили. Но там не было и следа его. Только безумие.

Кончик языка скользнул по капле крови во рту, клык окрасился розовым. Он причмокнул и прошипел:

– Я серьезно. Черт меня побери, я вышибу тебе мозги прямо на этих гребаных шлюх, если они не свалят отсюда.

– Папа... его руки...

– Педер Расмуссен! – раздался голос снаружи. – Педер Расмуссен!

На долю секунды тот замешкался. Пора. Только один Бог знает, что сделает этот безумец, когда поймет, что у Фредрика свободны руки. Изо всех сил Фредрик откинул тело назад и ударил по руке, державшей револьвер. Он попал по запястью, и оружие отбросило к стене. Фредрик схватил Расмуссена за голову и притянул к себе.

– Пора! – закричал он. – Он без оружия! Идите!

Расмуссен лбом ударил в нос Фредрика, сосуды лопнули, и хлынула кровь, но Фредрик держался, пытался вцепиться в него зубами, бил кулаками по ушам, царапался, кусался, чувствуя вкус крови.

Вдали послышался грохот выбитой тараном двери. И голос. Но не тоненький, испуганный голос мальчика.

– Стоять! Я выстрелю.

¹ Герой американских комиксов.

² Я Моряк Попай. Я Моряк Попай. Хмм ммм ммм хмм. Я Моряк Попай. Ту-ту! (англ.)

Фредрика обдало холодом. Хватка, которой он удерживал Педера Расмуссена, ослабла. Рот медленно открылся. Он повернул голову. Отхаркнул кровью. Расмуссен лежал на нем и таранился.

Между ними и входной дверью стоял, пошатываясь, мальчик. Ноги прижаты друг к другу, а руки подняты. Маленькие кулачки побелели, сжимая рукоятку револьвера. Прямо в дверях замерли трое полицейских из отряда мгновенного реагирования. Одеты в черное, в масках, оружие наготове. Среди них и Андреас, форменная куртка на нем топорщилась под пуленепробиваемым жилетом.

– Стоп, – сказал один из парней. Размеренно. Непостижимо спокойно.

– Мальчик, мы отступаем. Не стреляй. Успокойся. Мы не причиним вам вреда.

И вдруг резкое движение вперед. И полицейские стали отступать, так тихо, так внимательно, так осторожно.

– Стреляй в этих подонков! Пристрели их!

Монстр заревел. Криком безумия, со слюной и желчью.

– Нет...

– Папа...

– Стреляй!

Глава 2

Наше время

Осень принесла дождь, за дождем последовал ветер, ну а где ветер, там и листья.

А он все не останавливался. Придурковатого вида неряшливо одетый человек, шаркая ногами, возился между памятников. Вонзал тупые зубчики грабелей в побуревшие осенние лохмотья. Собирал листья и клал в мусорный мешок, который волочил за собой.

– Печально, – пробормотал человек по имени Микаэль Морениус. Светящийся золотом окурок зашипел, упав на асфальт. Микаэль наступил на него и раздраженно заметил, как дым просочился из-под кожаных ботинок.

Шаги по парковке за его спиной были короткие и тяжелые и прервались сильным приступом кашля. Микаэль повернулся к прибывшему. Пожилой крупный мужчина, опирающийся на крышу машины, старого синего «Фиата», и отхаркивающий мокроту в носовой платок. Микаэль дождался, когда тот закончит, и подошел, протянув руку.

Мужчина взглянул на него. Пожал протезную руку Микаэля. И они сели в белую как мел «БМВ».

– *Черт*, – прохрипел старик и прижал платок к носу, рукой нащупывая кнопку, чтобы открыть окно. – Ну и вонь тут, – продолжил он с явным русским акцентом.

– Я курю в машине, – сказал Микаэль.

– К такому и я привык. Нет, здесь что-то другое..

– Тогда это котята.

Микаэль повернул ключ в замке, и окно опустилось. Сам он почти не чувствовал запахов. Обоняние пропало, когда врачи ампутировали руку. Никто так и не смог объяснить, как одно связано с другим.

Русский приоткрыл только маленькую щелочку.

– Кошка решила использовать пространство под капотом как роддом. Мелкие засранцы намертво пригорели к мотору, – объяснил Микаэль.

Только когда погас свет в салоне, русский достал конверт из внутреннего кармана.

– Вот, – сказал он. – Доказательство, что я говорю правду.

– Доказательство, – повторил Микаэль, взяв конверт. Он неуклюжим движением искусственной руки поднял конверт за край и вытряхнул содержимое. Предмет тяжело лег в руку. Микаэль потер рубины кончиком пальца. Постучал ногтем по блестящей золотой оправе. Утиное сердце. *Le Coeur de Canard*.

Некоторое время они сидели и наблюдали, как плывут облака на горизонте. Как уборщик в одиночестве неумоимо борется с осенью. Кивнув, Микаэль протянул телефон русскому.

– Она ждет.

Старый офицер открыл дверь машины и вышел. Пока он говорил, Микаэль надел украшение. Выпрямился, чтобы ощутить его вес. Холодный металл и драгоценные камни на груди. Золотая цепочка нашла свое место на изгибах шеи. Наконец-то.

Русский сильно закашлялся, садясь в машину.

– Тогда не будем тянуть?

Микаэль покачал головой.

– Если ты говоришь правду... тогда спасешь немало жизней. – Его голос стал деловым. – С нас причитается.

«БМВ» уехала, а служитель наконец закончил с листьями, поднял мешок и высыпал содержимое на землю. Потом засунул в мешок руку и достал некий предмет. Ледоруб. Капли

дождя искрились на стали. Вставляя ключ в замок зажигания «Фиата», он повторил про себя регистрационный номер уехавшей машины.

Глава 3

Подавляющие страх. Успокоительные. Успокаивающие. Дыхательная функция. Жизненная ситуация.

Центральная больница.

Слова разлетались по оконному стеклу. Вырисовывались на запотевшем окне, а следом капли соединялись друг с другом, и оставались видны только голые кроны деревьев, словно выгравированные на угольно-сером октябрьском небе Осло. Лента, прикрепляющая повязку к затылку, дернулась, когда следователь полиции Фредрик Бейер нехотя повернул голову к врачу.

– Анализ крови показал успокоительные вместе со значительным количеством болеутоляющих. И алкоголь. Много алкоголя.

Врач стояла у постели, сдвинув прямоугольные очки на лоб. Она терла красным ногтем переносицу, читая карту пациента. На Фредрика она не смотрела.

– Важнее всего сейчас для вас, вашего психолога и ваших... – она помедлила, посмотрев на двух женщин, сидящих на хлипких стульях в маленькой палате, – ... близких, найти причину возникновения этой ситуации. И принять меры. Чтобы она не повторилась.

Она продолжала потирать переносицу.

– Здесь некоторая информация. О самоубийстве и депрессии. – Сказав это, она подвинула пару брошюр к его очкам на ночном столике. И вышла.

Как-то Фредрик услышал, что пациенты сами могут выбирать, какую картину повесить в свою палату здесь, в Центральной больнице. Он удивленно размышлял, кто мог лежать в этой палате до него. Кто в здравом уме выберет картину с двумя скалящимися клоунами, балансирующими на канате над шоссе? Очевидно тот, кому было хуже, чем самому Фредрику. Он попробовал сформулировать шутку, но слова не шли с языка.

Женщина, сидевшая под этой мазней, не улыбалась. Беттина, его сожительница. Она просто пристально на него смотрела. Накинула вязаный кардиган на плечи, как будто замерзла, и пальцами сучила нитку из рукава. Черные волосы ниспадали на лицо.

Тишину нарушила вторая женщина. Элис. Бывшая жена Фредрика. Именно у ее квартиры врачи «Скорой помощи» подобрали его. Там он лежал. Посреди улицы Стулмакергата в районе Грюннерлека, под завязку накачанный таблетками и алкоголем. Там она жила со своим новым мужем, Эриком.

– Да... что случилось, Фредрик? Андреас говорит, что ты казался совершенно нормальным, когда вы разошлись по домам. Это... – голос Элис смягчился. – Это опять из-за Фрикка, Фредрик?

У них двое общих детей. У Фредрика с Элис. Подростки Якоб и София. Но раньше было трое. Фрикк погиб при пожаре, и с того самого дня Фредрик был безутешен. Конечно же. Но прошло много лет. Тринадцать, если быть точнее. Фредрик уже не просыпался каждый день с болью в сердце. Повязка стянула волосы на затылке, когда он покачал головой.

Что же такое произошло тем вечером, почти двое суток назад? Он не помнил. То есть кое-что он, конечно, припоминал. Они с Андреасом в очередной раз завершили расследование по одному из случаев жестокого обращения с детьми. Еще одного в длинном списке дел о семейном насилии, которые доставались им в отделе по борьбе с насилием и преступлениями сексуального характера в полицейском участке Осло. В очередной раз Фредрик покинул здание полиции с зияющей раной на сердце. Они пошли перекусить и взять по пиву, поели и выпили, а потом... потом все смешалось воедино. Какофония голосов, сирен, безграничная усталость и злость. Шум. Он не в силах был разобрать ни слов, ни чувств, ни настроения. До тех пор, пока фразы не начали прорисовываться на оконном стекле, и он пришел в себя тут, в больнице.

– Что ты сказала детям?

Элис поправила хвост на голове. Ему пришло в голову, как непохожи Элис и Беттина. Сожительница щуплая и темная, а бывшая жена полная и блондинка. Разные как по внешности, так и по характеру. В Беттинне была изюминка, узкие, соблазнительные глаза, которые всегда пробуждали в нем желание. Элис же он воспринимал скорее как друга.

– Ничего, – сказала Элис. – Позвоню Софии позже сегодня. А Якоб... его не было дома, он играл концерт на выходных, я думаю, Беттина не...

Фредрик слышал, как Беттина потерла ладони друг о друга. Когда София уехала в Берген учиться, Якоб, которому было шестнадцать, решил, что хочет жить с отцом.

– Нет, – бросила Беттина. – Сам поговори с ним. – Она поднялась. – И все-таки я не понимаю, – начала она, – какого черта ты идешь и ложишься посреди улицы около *ее* дома. – Она развела руками, бросив на него недоумевающий взгляд. – Словно какой-нибудь умирающий индеец.

– Ты бы чувствовала себя лучше, если бы я умер у нашего дома? – спросил Фредрик.

– Да, – ответила Беттина.

Глава 4

Несмотря на дождь, на земле в Бюгдей все еще лежал тонкий слой снега. Из окна машины Кафа Икбаль наблюдала, как тает белый снег. Остается только серая слякоть, которая исчезнет еще до вечера.

Следователь полиции не торопилась. Подумав о продрогшем портье у ворот резиденции короля, она стала рассматривать фасады Народного музея. Это собрание всякого хлама, крестьянских домов и городских кварталов, снятых с фундаментов и переправленных сюда. Она была в этом музее всего однажды, еще учась в школе, и мысль, посетившая ее тогда, снова пришла ей в голову. Какой белой когда-то была эта страна. Снег, люди, сама еда, которую ели, мука и рыба. Когда наступило время привезти сюда кебабные лавочки? Мечети и фотографию турка на углу?

Путь из центра пролетел так быстро, что салон машины едва только начал нагреваться, когда пейзаж за окном уже сменился жилыми домами и узкими дорогами. Здесь живут богачи этой страны, выставляя благополучие напоказ в виде своих владений. Здесь тирольские виллы соседствуют с домами в стиле функционализма. Это южнонорвежская идиллия на стероидах, патологическое освоение старых денег, нефтяные миллионы, пущенные на ветер, циники и везунчики. Раскрашенное в пастельные тона население с нераскормленными собаками и слишком большими машинами.

У гребня на восточной стороне полуострова на обочине между виллами стоял полицейский автомобиль. Кафа припарковалась за ним и осталась сидеть в машине, слушая стук дождя об алюминиевый кузов.

Она вспомнила свое первое дело об убийстве после того, как пришла в отдел по борьбе с насилием. Тогда она работала на Фредрика Бейера. На этого верзилу. У него был острый ум, но душа становилась все темнее и темнее. Поначалу он ей нравился. Очень. Но что-то встало между ними. Теперь Кафа редко его видела.

Кафа провела рукой по шее вдоль ключиц. Опухоль спала, но все еще болело. Вот черт. Сейчас не время об этом думать. Не сейчас, ведь это дело – особенное. Эта смерть – ее дело. Ее первое дело в качестве главного следователя.

Кафа затянула длинные темные волосы на затылке и взяла дождевик. Двое мужчин в униформе ждали ее у ворот.

– Почтальон заметил что-то неладное, – сказал один из них, широкоплечий парень маленького роста.

Волосатой рукой он указал на почтовый ящик. Кафа прищурилась. Имя было выгравировано изящным шрифтом на медной дощечке: «Герда Тране». Старая вдова восьмидесяти пяти лет, как выяснилось, единственная жительница виллы.

– Почтальон много лет ходит по этому маршруту. Он забеспокоился, когда фру Тране перестала забирать газеты. На входной двери есть такая старомодная щель для писем. Понюхав ее, он позвонил в полицию.

– Вы были внутри?

– Да. То еще зрелище.

Служащий открыл перед Кафой дверь, но вместо того, чтобы войти, она сделала несколько шагов назад. Остановилась, положив руки на талию. Выкрашенная в красный цвет вилла была закрыта для обзора неухоженной живой изгородью из барбариса. Березовая аллея вела прямо ко входу. Дом высокий, хотя по окнам было видно, что там едва ли больше двух этажей. Не кричащий, но массивный и ухоженный. Она предположила, что окна должны выходить на маленькую гавань в бухте Лангвик.

– Дверь не была заперта, – объяснил полицейский, когда Кафа остановилась у входа. Увядавшие плетистые розы цеплялись за шаткие шпалеры рядом с дверью. Их следовало обрезать на зиму.

Прихожая оказалась просторной, но облицовочные панели и тяжелые гардины создавали душную атмосферу. Зловоние ударило в нос уже здесь. Кафе больше не становилось дурно от него, но запах всегда доставлял дискомфорт. И в то же время она испытывала трепет. Пожарные не любят пожары. Но они любят их тушить. Так было и у нее.

Осенняя листва с гравиевой дорожки прилипла к сапогам, и, наклонившись, чтобы надеть бахилы, Кафа поймала взгляд полицейского на своей заднице. Значит, он просто стоит там, как будто считает, что она должна поблагодарить его за оказанную помощь. Она рыкнула на него, затем оглядела котсвольдские стекла на двери и подтолкнула ее локтем.

Снаружи дом казался довольно обыкновенным. Но стены холла, однако, поднимались прямо до конька, на восемь-девять метров от пола. Под потолком висела кричаще дорогая люстра. Стены обиты панелями из тика, но эксклюзивную древесину портили кривые гвозди, наполовину торчащие из стены. Их тут, должно быть, сотни. Они вбиты даже в двери. Бледные квадратики, прямоугольники и овалы говорили о том, что на месте каждого из них висела картина или рамка, или что там еще могло быть.

Проникать в сокровенное – это часть полицейской работы. Но когда Кафа ступила на ковер глубокого красного цвета, покрытие, поглощавшее звук и свет, ей показалось, что она вот-вот потревожит святыню. Комната была похожа на мавзолей. Прямо перед Кафой высилась широкая лестница красного дерева с низкими фигурными перилами. Она заканчивалась галереей, протянувшейся вдоль стен холла. Ноги трупа лежали на несколько ступенек выше пола.

Это был мужчина. С лишним весом, средних лет. Черты лица почти не различить, потому что покойник, должно быть, уже пролежал тут приличное время. Он лежал на спине, темно-синие штаны для бега обтягивали раздувшиеся ноги. Под свободной рубашкой виднелась лишенная растительности грудь и вспученная шея. Толстый черно-зеленый указательный палец все еще держал керамическую ручку, а осколки кофейной чашки валялись рядом.

Кафа испугалась, когда полицейский за ее спиной покашлял.

– Похоже на то, что у погибшего глубокая рана на затылке, там, где череп соприкасается со ступенькой.

Кафа наклонилась посмотреть. Светлые волосы приобрели коричнево-черный цвет от запекшейся крови. Кожа синеватая. Обуви на нем не было, только черные теннисные носки, из дырки в одном из них торчал потемневший большой палец.

– Но кто он такой? – спросила Кафа.

Полицейский показал прозрачный пакет с водительским удостоверением. – Микаэль Морениус, – сказал он. – Мужчину звали Микаэль Морениус. Мы нашли удостоверение около дивана в столовой.

Кафа взяла пакет и поднесла его к свету от люстры. Права выданы десять лет назад, на фото был серьезный и худой светловолосый человек.

– А он располнел.

– Аминь.

– Так значит... он упал? Несчастный случай? Но что он делает здесь? Дома у старой вдовы? И где она?

Полицейский покачал головой.

– Поэтому я и сообщил дежурным в криминальном отделе. Фру Тране пропала.

Глава 5

Днем Фредрик ходил гулять с Кресус. А вечерами пробирался на кухню, брал стул и садился у комнаты Якоба. Прикладывал голову к стене, выпрямлял ноющее левое колено и слушал. Прошло две недели с тех пор, как Фредрика выписали из больницы.

Кресус – собака Беттины. Нервный спаниель, с частой диареей. Глаза осуждающие. *Грустные*, как обычно поправляла Фредрика Беттина, перед тем как поднять его большие очки в стальной оправе на лоб, погладить по усам и сказать:

– Прямо как твои.

Фредрик пытался угадать, не Брамс ли это, но был не уверен. До того момента, когда сын переехал к нему, Фредрик думал, что альт – это просто хобби. Точно такое же, как и его собственные юношеские посягательства на кларнет. Но это было совсем иным. Якоб учился в Музыкальной академии Бенжамина Бюе. Он – *талант*, говорил про него преподаватель музыки, произнося это слово так, будто оно жгло. Во всяком случае, дополнительные уроки точно жгли тысячные купюры в кошельке Фредрика. Но когда он сидел вот так вечерами, ему приходило в голову, что эта инвестиция все-таки оказалась не самой плохой.

Фредрику как отцу было нелегко рассказать сыну, что таблетки в шкафчике над раковиной – новые разновидности антидепрессантов. Что он находится дома днем, потому что в пьяном состоянии переусердствовал с таблетками. И вот пока он сидел под дверью и слушал, новые и новые оправдания рождались в голове. Но воображаемые диалоги всегда заканчивались одним и тем же: Якоб спрашивал, почему. А Фредрик не мог ответить.

Так что этим вечером Фредрик просто встал и постучал в дверь.

– Ты хочешь знать, почему я не работаю?

– Нам необязательно говорить об этом, пап.

– А я думаю, нам нужно поговорить.

Якоб тряхнул тяжелыми темными кудрями.

– Мама что-нибудь рассказала? – Фредрик попробовал улыбнуться.

– Мы можем поговорить об этом в другой раз? Я не хочу сейчас.

– Ну нет так нет. О чем тогда поболтаем?

– Если хочешь, можешь зайти.

Над столом сына висела фотография собора в Трумсе. Якоб с Софией жили там, пока их отчим не был назначен директором Департамента образования и семья не вернулась в Осло. Треугольное здание церкви со стеклянным фасадом и тонким крестом светилось в зимней ночи. В углу между стеклом и рамкой было втиснуто маленькое фото. Пухлая, приветливая девочка со множеством мелких косичек и веснушками.

– Кто это?

– Никто.

– Никто?

– Да так, одна девчонка в школе. Ирене.

– Вот как, – выдавил Фредрик. – Что играешь?

Якоб закатил глаза. Надел наушники и поднял с кровати неестественно огромную скрипку.

– Кое-что из Брамса. Я аккомпанирую со слуха, – объяснил он, как будто отец явился из Средневековья.

– Можно послушать?

– Тогда сиди тихо, – сказал Якоб, закрыл глаза и стал раскачиваться. Он был почти на голову ниже отца, но мощнее в плечах, полнее телом, фигура досталась от матери. Уже почти взрослый, но только почти. Звук альты был злой, резкий и смелый.

Закончив играть, Якоб остался сидеть в наушниках.
– Теперь можешь идти.

В спальне Фредрика было темно, лишь плоский телевизор перед кроватью освещал пол и стены. Синим и желтым, теми же цветами, что и в студии дебатов на экране. Примерно год прошел с тех пор, как премьер-министром стал Симон Рибе. Теперь лидер партии Хейре стоял и, прищурив один глаз, поучал своих политических противников, рассказывая об оборонной политике. Когда Фредрик скользнул взглядом по экрану, Беттина приглушила звук. Демонстративно вздохнула, когда он не отреагировал. В его голове все еще звучала мрачная и в то же время прекрасная мелодия, которую играл Якоб. Фредрик согнал Кресус с постели. Сел рядом с Беттиной, и она, как обычно, положила голову ему на грудь. Взяла его член. Под темными волосами он различил бледную кожу головы. Он положил руку ей на плечо, на искажившуюся татуировку с орлом, которая всегда так портила ему настроение.

– Хочешь поговорить об этом? – спросила она.

– О бюджете на оборону?

– Нет, – раздраженно ответила она.

Нет. Он не хотел говорить об этом.

Беттина села на него сверху. Он закрыл глаза, но у него ничего не получилось.

Глава 6

Безжизненное тело в кожаных тапочках лежало на белой мокрой пленке в позе эмбриона. Может быть, это иссиня-черные вены на затылке вызвали такую ассоциацию. Может быть, поза зародыша. Кроме всего прочего, труп был зажат под крышкой багажника машины. Большой машины, но даже в «БМВ» не рассчитывали, что в багажнике будут провозить людей.

Может быть, дело было в граблях, лежавших рядом с трупом. Или просто вся эта кровь и грязь из тела, вытекшая на белую пленку, создавала подобное впечатление. Эта сволочь – аборт самой жизни, и Каин нес ответственность за это выскребание.

Каин поднял руки. Вены на руках вздулись. Хотя темнота уже давно наступила, небо над городом озарялось желтым и оранжевым светом, отраженным от уличных фонарей и домов. Отблески подсвечивали его руки. Но только слегка. Здесь, на вершине, в Грурутдален ночь была практически черной.

Под деснами болели шейки зубов. Сердце выскакивало из груди. Он достал пачку жвачки из кармана тесных джинсов. Ментол должен усилить слюноотделение. Какие странные эти последствия амфетамина. Он потел. В паху и под мышками, спина и лоб тоже были липкими. Он ощущал сытость, но в животе урчало, и он без остановки выпускал газы. Равномерные, вонючие струйки. Рот казался высушенным, словно он пожевал газетную бумагу. Опухшие глаза. То, что должно быть мокрым, было сухим, а то, что должно было быть сухим, было мокрым. Все шиворот-навыворот. Или наоборот. Это неважно. Он раскроил череп. Без звука.

Каин был сильным, но поднимать мертвое тело всегда тяжело. Он все еще помнил первый раз. Было лето, восьмидесятые, и Каин только что прибыл в Крагере на катере. Внутри биотуалета был надежно закреплен блок с двумя тысячами девятьюстами восьмью граммами кокаина. Девяносто два грамма нашли место в подкладке мятно-зеленой куртки Каина от «Лакост». Ему не пришло в голову, что тот же ублюдок, что махал ему на прощание в Роттердаме, будет ждать его с этим чертовым граммажем на пристани в Крагере. Его звали Масляный Туре, потому что он всегда был мягким и уступчивым. Он попытался снести башку Каину из люгера. И у него бы это получилось, если бы не оказалось, что пистолетом не пользовались с военных времен. Интерес к истории Масляного Туре стал его гибелью. Оружие оторвало ему руку, и Каин не видел причин, чтобы не прикончить его.

Из этого эпизода Каин вынес четыре урока. Во-первых, всегда следует отличать оружие от сувениров. Во-вторых, наркоконтрабандисты не любят, когда их дурят. В-третьих, как правило, у тебя есть всего одна попытка, если ты решился убить кого-то. И в-четвертых, у мертвецов нет никакой взаимосвязи частей тела. Просто узлы, без сопротивления, без мышечного напряжения, и без всякого уважения к себе или другим, когда кишечник опустошается, а горло клокочет, когда легкие сжимаются и внутренности разрушаются.

Поэтому Каин крепко схватил тело. Одной рукой под колени, второй под мышки. Еле-еле смог ухватиться за искусственную руку. Запах, ударивший в нос, был отвратителен, парню уже давно следовало бы лежать в земле. На дне люка Каин различил трубу и вентиль; тело ударилось о сталь с душераздирающим звуком. Он повернул задвижку люка на место; звук был похож на бой церковных часов, когда крышка вошла в паз люка. Не совсем священная земля, но и Каин был не особенно религиозным человеком. Для этого он слишком долго жил. Из земли ты восстанешь снова? Смерть есть смерть. Так он считал, исходя из своего опыта.

Вернувшись к машине, он закрыл багажник. Подождал щелчка. Потом подошел к пассажирскому месту и положил руки на крышу. Наклонил голову и выдохнул. Сердце все еще бешено колотилось. В отражении зеркала заднего вида он видел, как большие, тяжелые снежные хлопья ложились на волосы и таяли на бледной коже головы в тех местах, где светлые пряди уже не закрывали ее.

Опять шел снег. Скоро осень превратится в зиму. Он пернул и сел в машину.
Нет двух идентичных снежинок, подумал он, посмотрев на сидевшего рядом.

Глава 7

Фредрика разбудил пронзительный храп Беттины и собственные темные мысли. В одиночестве он выпил кофе. Отметил, что одурманенность от антидепрессантов наконец спала. Он пролистал «Дагенс Нэрингслив», прочитал содержание, но глаз ни за что не зацепился. Услышав возню в спальне, натянул на ноги ботинки. Машинальным движением потянулся за тростью, всегда стоявшей у двери, но ее там не оказалось. Вельветовую куртку он надел, уже спускаясь с лестницы.

На самом деле ему и не нужна была эта трость. Прошло почти полтора года с того дня, когда его покалечило во время взрыва в больнице Уллевол, около палаты человека, которого они взяли после бойни в общине в Маридалене. Но трость была трофеем, и Фредрику нравилось собственное отражение в витринах магазинов, когда он шел по Бугстадвейен. Трость эбенового дерева с шишковатой, округлой рукояткой и стальным наконечником придавала ему какой-то особенный, вневременной вид, как ему казалось. К сожалению, он куда-то подевал ее и понятия не имел, куда.

Теперь вместо этого он видел отражение своей долговязой фигуры, припадающей на ногу. Больное левое колено придавало ему эту особенность, как напоминание о дне смерти Фрика.

Фасад здания полиции сливался с небом над Энерхаугеном. Снег превратился в грязную слякоть, а в городе запахло выхлопными газами.

На письменном столе его ждала записка. Фредрик сразу узнал угловатый почерк. Да и само сообщение многое говорило об отправителе. «Мой офис. Сейчас».

Дверь в приемную начальника полицейского управления Тронда Антона Неме была открыта. Фредрик знал, что секретарша еще не пришла, потому что она – его сожительница, Беттина. Они познакомились на рабочем семинаре. Трахались как дикие псы, пока замминистра вещал коллегам о ценности измеримых результатов. Измеримым результатом было, во всяком случае, то, что Фредрик стоял здесь сейчас. Другого объяснения быть не могло. Начальник не имел привычки вызывать на разговор подчиненных после болезни. Видимо, Беттина разболтала, и Фредрик проклинал ее за это.

– Бейер.

Грубо очерченная фигура показалась за дверью. Решительным кивком начальник пригласил Фредрика внутрь. Неме показал на кресло у письменного стола. На таком сиденье не предполагается чувствовать себя комфортно.

– Кофе?

Следователь покачал головой. Он уже выпил кружку крепкого кофе из автомата в коридоре.

Неме налил себе и перегнулся через стол. Прищурившись, изучил Фредрика.

– Ты здоров?

И до того, как Фредрик успел ответить, продолжил:

– В свое время, когда я еще учился, я проходил практику в участке на острове Трумея рядом с Арендалом. Местный участковый, его звали Шае, был мощным, отличным констеблем. Хорошо знал местную среду, честный и способный следователь, крутой, когда требовалось. Достойный человек.

Неме положил большой палец в ямку на подбородке.

– Однажды он не пришел на работу. Как самого молодого меня послали к нему домой. Он жил в белом маленьком южнонорвежском домике. Шае не ответил, когда я позвонил в дверь. Я заметил, что вода была подключена к садовому шлангу, а шланг просунут в щель в окне спальни. И оттуда шел странный звук. Поэтому я вломился в дом. Там я и нашел его. В спальне.

Пауза была такой долгой, что Фредрик начал думать, что смысл сказанного прошел мимо него.

– Участковый был голым, – наконец продолжил Неме. – Голым и мертвым. Он повесился на садовом ошейнике, прикрепленном к потолку. Шланг он засунул себе в задний проход.

Неме увидел, что Фредрик хочет что-то сказать, но отмахнулся.

– Не спрашивай меня, я предпочитаю миссионерскую позицию. – Он понизил голос. – Но даже это было не самое плохое. Знаешь, что было наклеено на стенах, на потолке и на каждом квадратном сантиметре той спальни?

Фредрик, естественно, не знал.

– Глаза.

Неме стиснул зубы.

– В подвале мы нашли кучу журналов и газет. Парень вырезал из них все глаза, какие нашел, животные или человеческие, без разницы, и наклеил их.

Он выбросил руки вперед.

– Я был у него на ужине! Сидел в гостиной, пил пиво и смотрел футбольный матч!

Фредрик увидел, как Неме по-настоящему передернуло.

– Куку, – кратко сказал Неме. – Участковый Шае был совсем куку.

Он направил палец на Фредрика.

– Но он был хорошим полицейским.

Начальник сложил руки на груди, откинулся на широкую спинку кресла и самодовольно посмотрел на него.

– Понимаешь, о чем я?

– Безусловно, – кивнул Фредрик. – Более чем.

Они продолжили сидеть, уставившись друг на друга. Сделав несколько глотков кофе, Неме кашлянул.

– Что-то еще?

– Раз уж я тут сижу, – начал Фредрик. – Дела о семейном насилии. Сейчас их три, одно за другим, и Андреас сказал, что будет еще.

Начальник поднял руку, чтобы остановить его, но Фредрик продолжил.

– Я знаю, что эта тема в приоритете. И в этом нет проблемы... Но... это изматывает и Андреаса и меня.

У Фредрика вспотела вся спина. Он приближался к территориальным водам шефа, и Неме мог посчитать, что у Фредрика нет разрешения на плавание в них.

– Сейчас мы отправим этого ублюдка в тюрьму. Он посидит несколько месяцев, пока жена с детьми залечат раны. Но когда синяки исчезнут, этот мешок дерьма выйдет на свободу. И тогда нам снова предстоит та же работа. Это чертовски угнетает, Тронд Антон.

Начальник дернулся, когда Фредрик назвал его по имени. Когда-то они вместе работали в отделе по охране общественного порядка. Может быть, в нем еще сохранились хоть какие-то отголоски духа товарищества.

– Бейер, – Неме звучал как похоронный агент, которому не заплатили.

– Вы можете поговорить с Коссом? – настаивал Фредрик.

– Распределение сотрудников – сфера деятельности полицейского инспектора. И ты это знаешь.

– Вы можете поговорить с ним?

Глава 8

– Кто-то разболтал всемогущему, как я понимаю?

Баритон прозвучал с другого конца помещения, и тишина, повисшая над рабочими столами, дала Фредрику понять, что цель достигнута. Инспектор полиции Себастиан Косс прошелся вдоль опенспейса отдела по борьбе с насилием и швырнул папку с документами перед рослым парнем с морщинами и седым ежиком на голове. Все уставились на Косса.

– Франке! Посмотри на это. Знаю, что у тебя много работы. Но дражайший Фредрик Бейер, прибывший из загадочной страны больничных, полизал кое-кому задницу.

Себастиан Косс показал наманикюрным пальцем на верхний этаж. Глаза Франке зажглись от ярости.

Раньше в отделе по борьбе с насилием и преступлениями сексуального характера было два шефа. Инспекторы Сюнне Йоргенсен и Себастиан Косс. Они были словно двуликий Янус. Сюнне прошла все ступени. Она была коллегой, другом и располагающим к себе шефом, и она никогда не забывала своих корней. Но Сюнне была еще и амбициозной, и для того, чтобы карабкаться выше, ей нужно было закончить свое юридическое образование. В итоге остался один Косс. Неприятный человек, наследник судовладельца, кичливый, но весьма способный юрист. Он презирал Фредрика так же, как и Фредрик его.

Инспектор продолжил путь к рабочему месту Фредрика и Андреаса – они сидели на другом конце здания. По пути Косс снял свой сшитый на заказ пиджак глубокого синего цвета, расстегнул пуговицы на манжетах рубашки и закатал рукава. Наконец придя на место, он поднял руку и, наигранно подергивая ею, прижал ее к груди.

– Значит, опять *нервы*, – прошептал он. Его ухоженные брови блестели.

– Косс? – Андреас поднялся. – Иди к черту.

Напарник *должен* отвечать на выпад. Всегда. И это делало его легкой добычей в нескончаемых интригах отдела. Фредрик жестко посмотрел на Косса и покачал головой. Чем больше драмы, тем больше внимания. Только Андреас знал, почему Фредрик отсутствовал все это время. И пусть все так и останется.

Косс только улыбнулся. Очевидно, у него был туз в рукаве.

– Если вы слишком хороши для того, чтобы помогать женщинам и детям в беде, то вот, чистильщики канализации из управления нашли труп в одном из люков в Кьелсруде. Езжайте туда.

Город стоял в пробках. Фредрик и Андреас терпеливо ждали, чтобы выехать по шоссе Е-6 на север. Ливень сменился холодным дождем, как только они покинули кипящий котел Осло, а дорога стала мутной и скользкой. Таким же стало и настроение, как только Андреас закончил свою тираду по поводу Себастиана Косса.

– Так и...?

– Все хорошо, – сказал Фредрик, чтобы наконец закончить это. – Что меня беспокоит, так это то, что я ничего не помню.

– Но... ты планировал... – Андреас остановился на полуслове. Провел рукой по седым кудрям и погладил горло тонким пальцем. – ... когда мы сидели с тобой раньше, тем вечером? Когда мы ели?

Андреас включил синюю мигалку и перестроился на полосу общественного транспорта.

– Наверное, это не мое дело, но... Ты пил довольно много. Ты всегда ходишь с карманами, полными обезболивающего?

Андреас задал вопрос, не взглянув на Фредрика. Фредрик склонил голову к окну и наблюдал, как с каждым вздохом испарина выступает на стекле. Вдох-выдох.

Правда в том, что иногда ему нужны были эти таблетки. И хотя раны после взрыва давно затянулись, случалось, что боли все еще накатывали. В плече, груди и нижней части ног. Пульс учащался, выступал холодный пот, дыхание становилось прерывистым и нервным. Конечно, он знал, что эта боль – не настоящая. Знал, что облегчение, которое давали таблетки, наступало не в теле, а в голове. Понимал, что эти таблетки не для такого применения. Но так уж вышло. Именно по этой причине он обычно носил в кармане один или два блистера с таблетками.

Но это не должно никого касаться. Даже Андреаса.

– Не хочу говорить об этом, – ответил Фредрик.

Дальнейший путь продолжился в молчании. Скоро они добрались до промышленных районов Груруддалена. Здесь было так облачно, что они едва смогли разглядеть дома на пологом склоне долины. Дома мигрантов, ассистентов стоматологов, медсестер и других, кого вынудили переехать сюда подскочившие цены на жилье. Это крошечные шестеренки в общественном механизме. И многие из них, наверное, подсыпали песок в этот механизм. Здесь мелкий жулик становился грабителем, мелкие дилеры – контрабандистами, а хулиганы – убийцами. Груруддален.

– Такие провалы в памяти... может статься, что они не навсегда, так ведь? Может быть, однажды ты вспомнишь?

– Да, – ответил Фредрик, повернув голову к коллеге. – Врач что-то такое говорил. На лбу Андреаса залегла морщина.

Глава 9

Парень из управления уже стоял на месте, готовый отвести их на парковку. Под мелким дождем в свете фар отражатели на комбинезоне придавали ему мерцающую ауру. Божественный нимб, правда, заслоняли усы как у шнауцера, сливающиеся воедино с волосами, торчащими из носа.

На участке рядом стояли списанные трейлеры и автобусы с содранными крышами. Запах масла и ржавчины ощущался в воздухе.

– Нам сообщил землевладелец. Так мы и нашли старика, – сказал парень, не представившись.

Фредрик стоял и смотрел на промышленный район перед ними. Сквозь туман он увидел, что в окнах офисного здания было темно. Оно находилось в одном конце асфальтовой площадки, размером с пару баскетбольных полей, а на другой стороне – здание склада, смонтированное из некрашенных гофролистов и с черными раздвижными ставнями вместо дверей. Ставни были пронумерованы от одного до четырех.

Посреди площадки лежала крышка люка, снятая и отнесенная от отверстия в асфальте, а полицейские в униформе уже занимались огораживанием места.

Усатый показал на полосу асфальта в дырках и рысцой побежал между ними, визгливо разговаривая по пути. В руке он нес длинный стальной крюк. Через каждый шаг он стучал им по земле.

– Крысы, – рявкнул он. – Тут их чертовски много. Из-за этого и среагировал владелец. Крысы и вонь.

В тумане Фредрик разглядел, что одна часть офисного здания тоже служила складом. Снаружи стояли сотни офисных стульев, письменных столов и полок. Лужи воды и снежной жижи наполняли брезент, которым была накрыта мебель.

Парень из управления канализации почесал щеку ручкой крюка.

– Здесь, судя по всему, ничего не работает. Если бы не крысы... Не думаю, что его кто-нибудь нашел бы.

Там, где лента ограждения блокировала путь, стоял другой парень в таком же желто-черном комбинезоне и давал показания полицейскому. Выглядел он неважно.

Усатый протянул Фредрику фонарь.

– Там не очень приятно, – сказал он, показав на люк.

Фредрик пролез под ограждение и подошел. Нагнувшись, он посветил в отверстие.

Там и впрямь было не очень приятно.

Глава 10

Кафа Икбаль стояла перед зеркалом в одной из ванных комнат виллы на Бюгдей. Она знала, что если закрыть глаза, мысли опять вернуться. Огрубевшая кожа без запаха. Со свистом хлыставшая. Красное мерцание в глазах после удара.

Она медленно провела пальцем по горлу. Больно как раз в том месте, где натянутая жила исчезала под ключицей. Плечо заболело, когда она подняла руку, чтобы отвернуть воротник рубашки. Она немного повозилась, поправляя узел на шелковом шарфе. Встретилась с собственным взглядом в зеркале и не отрывала глаз. Не отрывала, пока не увидела в них ничего, кроме решимости.

Ванная находилась на втором этаже и была больше, чем гостиная в квартире Кафы. На полу плитка из темного мрамора, на стенах – светлая, а ванна стояла на «львиных лапах».

Маленький пакетик лежал на умывальнике. Теперь она взяла его. В нем был кусочек старой фотобумаги, размером не больше марки. Изображение рассмотреть невозможно, но на свету она увидела отчетливые водяные знаки, отпечатанные на обороте – *Калипсо*. По-русски. Калипсо. Танец или греческая нимфа?

Этот обрывок они нашли у стены в коридоре, рядом с дверями в столовую. Видимо, его сорвали с одного из бесчисленных гвоздей. Почему это был единственный след, найденный ими? Куда делись все те многочисленные фотографии, которые, должно быть, там висели? Каков мотив? Зачем их убрали?

О дверной косяк кто-то постучал, и Кафа, бросив последний взгляд в зеркало, повернулась к рыжеволосой женщине-полицейской. Ханна, как там ее по фамилии. Кафа попыталась изобразить улыбку.

– Да. Что у нас есть?

– Герда Тране, – начала рыжая, – владелица виллы. Ранее была замужем за директором Эрнстом Тране, но он умер тридцать лет назад. У них был сын, Аксель Тране, и он тоже мертв. Никаких родственников. Никаких близких друзей.

– Вот как?

– Сын служил в армии, погиб от несчастного случая в девяностых, через несколько лет после смерти отца. Соседи описывают вдову как строгую, бережливую даму. Говорят, она давно болела.

Женщина в форме наморщила лоб и продолжила:

– Судя по всему, ей помогал человек из коммуны. Ухаживал за газоном и домом. Крупный и молчаливый мужик, по словам соседей.

– *Крупный?* – переспросила Кафа. – Как тот, что на лестнице?

Женщина кивнула.

– Удивительно, но коммуна отрицает, что кто-то из их сотрудников здесь работал. Я покажу вам кое-что?

Ханна пошла к соседней комнате, спальне. Воздух был спертым и пыльным, на стенах красовались дорогие тканые обои в темный цветочек. На окнах висели кружевные шторы. Голые подоконники. На ночном столике ни фотографий, ни книг. Аккуратно заправленная двуспальная кровать.

Кафа раздвинула шторы. Далеко внизу, в маленькой гавани, она увидела пустые лодочные места. Прямоугольные тонкие металлические листы покачивались на воде темного моря. Лодки затащили на сушу на зиму.

– Вы сказали, что холл напомнил вам мавзолей, – сказала Ханна. – Разве здесь у вас нет такого же чувства?

Кафа подошла к гардеробу. Открыла дверцы. Полка за полкой с нижним бельем, блузками, брюками для пожилых женщин и юбками. На вешалках висели платья и куртки. Сладковато пахло средством от моли.

– Этой комнатой давно не пользовались, – отметила она.

– Именно, – согласилась Ханна. – А вот гостевой комнатой дальше по коридору – наоборот, – она показала кивком. – В прачечной в корзине для грязного белья лежит мужская одежда. То же самое в гостевой комнате. Большого размера. Ультрафиолет показал множество биологического материала на простыне и пододеяльнике.

Кафа выжидающе посмотрела на нее.

– Кровь или сперма. Но вообще, это не похоже на пятна крови.

– Пойдем, – сказала Кафа, жестом позвав ее с собой в ванную. В медицинском шкафчике стояли упаковки с лекарствами от давления, обезболивающие и инсулин. Инсулиновая ручка современного типа. Но не они привлекли внимание Кафы. Тут же лежала бритва, большая бритва с тремя вращающимися головками.

– Думаете, фру Тране брила ей ноги? – Кафа не дождалась ответа. – Значит, никакая вдова тут не живет, – констатировала она. – Но жил мужчина. Тот, на лестнице? Микаэль Морениус?

– Может быть и так.

– А что мы знаем про этого Морениуса?

– Он, очевидно, скрывал свою личность, – сказала Ханна.

– Скрывал личность? – Кафа вопросительно посмотрела на нее. Ханна развела руками.

– Это по данным управления регистрации населения. Так что поиск информации займет еще немного времени. Я соберу для вас материалы.

Скрывал личность. Кафа мало знала о работниках по дому мужского пола с лишним весом. Но она предполагала, что в управлении регистрации было не так уж много людей, нуждающихся в защите.

Глава 11

Холодный и синий как море проблеск осветил лестницу в подвал в Центральной больнице. Стальные перила тоже были холодными.

– *Mortui vivos docent*³, – прошептал Андреас Фредрику на ухо, когда они увидели, кто их ждет.

Судмедэксперт Конрад Хайссманн стоял у двери кремового цвета с надписью «Вскрытия». Он протянул руку размером с книгу для рукопожатия.

– *Mortui vivos docent*. Мы говорим голосом мертвых, – поприветствовал он их.

Неизменное приветствие австрийца. Хайссманн пригнулся, чтобы пройти в дверь, и провел их дальше. Не потому что косяк был низкий, а потому, что лысый патологоанатом с впалыми висками был почти на голову выше них. Он остановился в приемной. На стенах бирюзового цвета висели пожелтевшие плакаты со схемами по анатомии человека. На полках стояли банки с поблекшими сердцами, мозгами и легкими в формалине. Предупреждение о том, что за дверями их ждет благословенный прилавок со свежими продуктами.

Фредрик видел достаточно мертвых тел, во всевозможных состояниях. Но больше его пугали не сами трупы. К чему он никак не мог привыкнуть – так это к клиническим подробностям в комментариях медика. К черпаку, который патологоанатом использовал, чтобы освободить мертвые тела от крови. К начищенным стальным столам, голубой медицинской маске, пульсирующей от дыхания, скальпелю, ножницам для ребер и пиле для костей на белой материи.

Когда это было возможно, Фредрик предпочитал оставаться в приемной. Так же к этому относился и его товарищ. Андреас Фигерас с удовольствием слушал голос мертвых, но не любил их вид.

– Дело срочное, раз вы не стали дожидаться отчета?

Грамматика в его речи была правильной, но мелодия языка – не та. Австриец стоял, опершись на кафедру, и предавался одной из своих привычек – сложив руки на свой голый череп, потирал виски большими пальцами. Может быть, поэтому они так и выглядят.

– Не совсем так, – ответил Андреас. – Мы не можем установить личность погибшего. Надеемся, ты сможешь помочь нам с этим.

Врач снял резинку с пластиковой папки.

– Мужчина, возраст чуть за сорок. Внешность нордическая. Смерть наступила от двух до трех недель назад. Его нашли в сточном люке, правильно?

Фредрик кивнул.

– Вчера.

– Должно быть, труп спустили туда всего пару дней назад. Если бы он пролежал там дольше, от него мало что осталось бы.

Вытащить тело через узкий проход было совсем не простой задачей. Когда криминалисты в первый раз спустились в люк, крысы неохотно отошли на пару шагов в сторону. Чтобы труп не развалился, ребятам пришлось положить его в мешок и обвязать, а затем аккуратно поднять тело краном.

– Мужчина нормального телосложения, рост сто восемьдесят три сантиметра. Погибший был одет в брюки и свитер. На нем были также трусы и ботинки. Сорок четыре кроны в кармане брюк, две монеты по двадцать и четыре по одной кроне. Каталог аукционного дома Бьерхе в заднем кармане. Ни кошелька, ни удостоверений личности.

– Аукционный каталог?

³ Мертвые учат живых (лат.).

Хайссманн выудил пластиковый пакет из папки. Внутри лежал рваный листок бумаги. Страницы окрасились от жидкостей из тела.

– Я его пролистал. Журнал для аукциона, который прошел чуть больше месяца назад. Я не увидел никаких пометок, кроме одной – крестик напротив зеркала. Такое старомодное трюмо. В стиле рококо, с лепниной и всеми этими дорогими штуками.

Патологоанатом протянул пакет Андреасу и продолжил:

– В желудке и кишечнике мы нашли остатки пиццы. Сыр с ветчиной, переваренные в различной степени.

– Что это означает?

– Что он питался одним продуктом. Ел пиццу последние два-три приема пищи перед смертью.

– А причина смерти?

– Да, точно, – закивал австриец. – Пойдемте со мной.

Белые стены, облицованные плиткой, усиливали звук капающей из крана в алюминиевую раковину воды. Сладковатый запах разложения и химикалий оседал на задней стенке нёба. Хайссманн отодвинул пленку в сторону.

– Это должно быть полезно, – сказал он и бросил взгляд на Фредрика, стоявшего по другую сторону от стола для вскрытий. Андреас держался позади.

Холод пробежал по телу Фредрика, когда мертвецы лежали вот так. Голое тело на стальном столе, обнаженный торс и ляжки, печально съежившиеся наружные половые органы. Иногда он видел трупы до того, как судмедэксперты зашили их. Разрез в форме буквы Y от плеч к животу. И тогда он не мог не смотреть на сердце. Мышца размером со сжатый кулак, бледная и безжизненная. Сердце казалось таким холодным.

Но этот мужчина был уже зашит, его кожа приобрела цвет, приближенный к зелено-черному. Из короткостриженной головы на них смотрели пустые глазницы. Они явно свидетельствовали о том, что тут поработали падальщики. Но не это имел в виду австриец. Рядом с плечом лежала рука. Искусственная правая рука. Протез.

– Подождите немного, – быстро сказал Хайссманн, когда Фредрик наклонился посмотреть. – Позвольте мне сначала перенести вас в то мгновение, когда была решена судьба этого несчастного человека.

Патологоанатом помедлил, словно обдумывал, с чего начать. Затем взялся за плечо умершего рукой в латексной перчатке и приподнял его. Их взору открылась рана рядом с плечевой костью. Глубокая, но диаметром не больше монеты в пять крон.

– Через сутки этот человек умрет. Мы находимся где-то снаружи, может быть, в подворотне его дома, может, на темной улице. Он пребывает в состоянии благодушия и не чувствует никакой опасности, когда тяжелый острый предмет настигает его сзади. Раздроблены два ребра, обломки костей протыкают правое легкое. Сраженный болью, он падает вперед. Нападающий заклеивает ему рот, связывает руки и ноги, швыряет жертву в багажник машины и исчезает.

Это была смоделированная версия Хайссманна. Теперь последовало объяснение.

– В плечевой ране мы находим фрагменты разного типа тканей. Оружие прошло сквозь несколько слоев одежды, в том числе верхней. Значит, он был на улице. На брюках пятна грязи на коленях от падения, на лице, запястьях и ногах – остатки скотча. Свитер в пятнах, как выяснилось позже, стеклоомывающей жидкости и машинного масла. Значит, он был в багажнике машины.

Хайссманн продолжил, подняв сжатую кисть руки однорукого. Провел пальцем по костяшкам, на них была содрана кожа.

– Пыль от грубого бетона. Таким заливают пол. Это повреждение схоже с раной на плече тем, что их поверхности были на одной стадии заживления. После того, как жертву похитили, ее поместили в подвал, – продолжил объяснять патологоанатом. – Куда столкнули с лестницы. Падая, он выставил руки вперед и поранился.

Хайссманн поднял руку, прежде чем Фредрик успел что-то сказать.

– Нет. Никакого гаража. Потому что крики, которые этот человек издавал, привлекли бы внимание.

Остатки скотча были не единственным, что эксперты нашли на лодыжках и запястьях убитого. На них присутствовали и глубокие порезы. Такие обычно бывают, когда человека связывают тонкой, прочной веревкой.

– Как бы то ни было, следы трения в ранах показывают, что он пытался высвободиться. Это должно было быть весьма болезненно. Но он пытался вырваться, потому что знал, что умрет.

Судмедэксперт разогнул пальцы трупa. Верхние фаланги на указательном и среднем пальцах были отрезаны. Из-под ногтей на оставшихся пальцах торчали острые деревянные занозы.

– Где-то там должно быть кресло с глубокими следами от ногтей на левом подлокотнике. В этом кресле сидел этот человек.

– Господи, – простонал Андреас. – Что, черт побери, он такое натворил? Чтобы заслужить это?

– Или что такое он мог знать? – отозвался Хайссманн. – Что за тайну у него пытались выведать такими пытками?

Алюминий задрезбезджал, когда он выпустил руку мертвеца.

– Очень многому учишься на этой работе, – продолжил патологоанатом. – Например, я постепенно становлюсь экспертом по пристрастиям падальщиков. Мелкие рыбешки любят мягкую плоть. Вгрызаются в двойные подбородки, подмышечные впадины, пенисы и половые губы. Бездомные собаки любят что-нибудь более жевательное. Например, локтевую кость. А крысы... знаете, за чем охотятся крысы?

Фредрик понятия не имел, но предполагал, что ответ кроется в пустых глазницах.

– Мы нашли труп крысы, который изжевала почти полностью ее же друзья. Мелкие чудовища не любят, когда врываются без очереди. У этого парня ничего не осталось от глаз. Но я кое-что нашел. Это следы ожогов. Вокруг глазниц. Полагаю, от окурков. Или просто от зажимки. Ведь нынче больше никто не курит.

Андреас, стоящий поодаль, что-то забормотал.

– У него кровоподтеки по всему телу вследствие многочисленных ударов и пинков. Большой палец сломан. В обратную сторону. Мучения должны были быть непереносимыми. Но способ нанесения увечий, вся их систематичность в целом, затраченное время заставляют меня думать, что речь тут идет не о мести.

Он сжал пальцы и распрямил их, так что они захрустели.

– Причина смерти – сильный удар в область затылка. Тем же продолговатым предметом, каким нанесли рану в плечо. – Он пальцем провел по торчащим между остатками волос неровным краям пробитого черепа.

– Нож?

– Нет. Что-то более тяжелое и широкое. Опять же, сила и точность, которых требует такой удар, говорят о том, что несчастный должен был сидеть крепко связанным, когда его убивали. И да, никаких следов сексуального насилия.

– Это по крайней мере уже что-то, – пробормотал Андреас.

Фредрик подтолкнул протез латексной перчаткой. Он немного знал про такое, но этот был желтым, как воск, а пальцы похожи на пальцы куклы-манекена.

– Так как труп лежал и гнил довольно долго, это не очень хорошо видно. Но у погибшего есть ряд мелких шрамов на плече и груди. Такие шрамы остаются от выстрелов из дробовика. Но сам шрам от ампутации мастерски сделан. Значит, пуля не отстрелила руку, но ранение могло стать причиной ампутации.

Врач снова положил руки себе на голову.

Андреас кашлянул. Его голос был выше, чем обычно.

– Вот такие протезы. Их делают на заказ, не так ли? Тогда его руку можно попробовать отследить?

Доктор Хайссманн кивнул.

– *Richtig*.⁴ Именно это я и хотел предложить. Ну и, конечно, мы работаем над анализом зубов. Но вы знаете, это занимает какое-то время.

– А руку? – спросил Фредрик. – Мы можем ее забрать с собой?

Конрад Хайссманн огляделся в поисках пакета.

⁴ Правильно (нем.).

Глава 12

На чашке, которая досталась Фредрику, остался ободок растворимого кофе. Жалюзи хлопали об оконные рамы в маленьком кабинете, но воздух внутри все равно был спертым.

– Мне жаль людей, которые испытывают чувство вины, – медленно произнес Фредрик.

– Тед Банди, – сказал полицейский психолог.

– Что?

– То, что вы только что сказали. Мне жаль людей, которые испытывают чувство вины. Эта цитата принадлежит серийному убийце Теду Банди.

– А, вот оно что. Понятия не имею, где услышал ее.

Фредрик пристально смотрел на одутловатого человека, восседавшего на стуле с другой стороны стеклянного стола. После визита к патологоанатому Фредрик больше всего хотел просто поехать домой. Но начальник Неме был непоколебим. Постоянные посещения психолога. Никаких хобби, включающих ножницы, бумагу или глаза. Три красных и одна блестящая кнопка образовали четырехугольник на стене за спиной мозгоправа.

– Вы сняли плакат с Хемингуэем?

– Люди жаловались.

Последний раз, когда Фредрик был тут, на стене висел плакат с американским писателем, держащим двуствольный дробовик.

– Вы упомянули вину, – сказал психолог.

Если и нужно жалеть людей, чувствующих вину, то первым должен быть сам Фредрик. Это же он был дома с Фрикком тем летним днем много лет назад. Это же он оставил сына, чтобы купить продукты в магазине за углом, пока малыш спал. И это он выбил дверь в панике, когда оттуда повалил дым, и выпрыгнул из горящей квартиры на третьем этаже с безжизненным свертком на руках. Он чувствовал свою вину за Фрикка. Он чувствовал вину за развалившийся брак, за свою неспособность заботиться о своих детях после пожара. Вину за то, что позволил чувству вины уничтожить ту жизнь, которую он мог бы прожить.

Были и другие слова. Стыд. Страх. Неполноценность. Бессилие. Эгоизм. Горе.

Психолог почесал двойной подбородок.

– Так это ваше объяснение? Травма тринадцатилетней давности, которая однажды просто вгрызлась в вас? Вы были пьяны, в кармане были таблетки, и вы решили покончить со всем этим? Типа *been there, done that*?⁵

Фредрик пожал плечами. Объяснение было столь же подходящим, как и любое другое.

Психолог кончиками пальцев потер лоб и провел ими вдоль пробора к макушке. Там он ухватил несколько тоненьких волосинок средней длины и стал теребить их.

В конце концов полицейский не выдержал тишины.

– Конечно, картина более сложная. Работа. Сожительство. Лекарства, которые я глотал весь последний год... – Он потер руками бедра. – Извините. Сiju тут и ною.

– Да, – ответил психолог. – Тут в полиции кофе такой дерьмовый, что я вынужден пить чай. А от чая у меня расстройство желудка. Зарплата смехотворная, и день за днем я должен слушать нытье взрослых людей, полицейских, сидящих на этом диване. Это недостатки моей работы.

Казалось, он уже хотел подняться. Но тут ему в голову пришла другая мысль, и стул вновь скрипнул, когда он вновь заерзал на нем.

– От этого нытья даже картина на стене осыпается. Знаете, как говорят на психфаке? Не давай советов, вот что они говорят. Помоги пациенту рассуждать, пока он сам не поймет,

⁵ Был там, делал это..

что для него лучше. *Bullshit*⁶, вот что я скажу. Так что вот мой совет. Спой в хоре. Выгони сожительницу и переспи с женой шефа. Собери машину или свяжи свитер.

Психолог наклонился к столу и вынул чайный пакетик из чашки. Положил его на стеклянное блюдо так, что коричневая жидкость стекла через края.

– Совершенно неважно, что делать. Главное – чтобы это казалось осмысленным. Вы думали, те таблетки спасут вас? Нет уж, извините. Вы должны сделать это сами.

Фредрик фыркнул.

– Не очень-то это мне поможет. И что, ко мне вернется память?

– Скажете тоже, – хмыкнул психолог. – К некоторым память возвращается постепенно. К другим – может и никогда. Хотя и воспоминания вот здесь, – сказал он и толстым пальцем постучал по голове. – Мозг ничего не забывает. Вы сами это делаете.

Некоторое время он сидел и упивался собственной значимостью, прежде чем продолжить.

– Я бы посоветовал поискать отправные точки. Что-то из того вечера, что поможет открыть этот ящик. Может быть, запах. Звук, мелодия, например, или может быть картинка. Люди ведь беспрестанно фотографируют. Что-то в таком духе. Тогда может случиться, что туман рассеется.

– Спасибо, – произнес Фредрик и показал на стену за спиной психолога. – Вам надо что-то туда повесить. Или вытащить кнопки. Нехорошо выглядит.

Психолог пропустил это мимо ушей.

– Надо только по-настоящему захотеть вспомнить, – сказал он. – Мозг закрывается не без причины. Он умнее тебя.

⁶ Чепуха (англ.).

Глава 13

Уже стемнело, когда Кафа заехала на подземную парковку в участке. Она посмотрела на часы, констатировала, что столовая уже закрыта, и ей ничего не оставалось, кроме как взять папку с делом, которую подготовила Ханна, и пойти домой к микроволновке в квартиру в Сагене.

По пути к автобусной остановке она опять заметила, как в душе шевельнулось беспокойство. Весь день она отгоняла от себя это чувство, но теперь, когда в одиночестве шла по улице, мысли нахлынули, и оно вернулось.

Что за дело ей предстоит? Что произошло на вилле на Бюгдей? Ничто не указывало на то, что человек на лестнице, Микаэль Морениус, стал жертвой еще чего-то, кроме обыкновенного несчастного случая.

Никаких признаков взлома. Никаких следов непрошенных гостей или драки. А старая вдова? Может, она просто-напросто сдала свою виллу в аренду? Может быть, прямо сейчас она сидит и наслаждается бокалом портвейна и сигариллой в каком-нибудь более теплом месте?

На вилле они нашли старый телефонный справочник, открытый на страницах с отелями, и, не очень веря в результат, Кафа попросила Ханну обзвонить их все. Потом им пришлось делать звонки по бесконечному списку частных и коммунальных домов престарелых, проверять больницы, связываться с дальними родственниками... Господи. Кафа чувствовала, что тратит время впустую. Инспектор Косс казался абсолютно незаинтересованным этим делом, а эксперты на месте преступления очень хотели поскорее свернуть все работы. Черт. Не так она себе это все представляла.

Крыши окутал мягкий туман, и когда Кафа вышла из автобуса, она едва разглядела готические башни церкви Сагене. Их освещали вмонтированные в асфальт прожекторы, и на каменных стенах танцевала длинная тень от какого-то бегуна, который остановился и делал растяжку на площади перед церковью. На остановке на другой стороне дороги стояла пожилая женщина. Кафа выпустила на холоде пар изо рта и, плотнее укутавшись в куртку, быстрыми шагами пошла через крошечный парк.

Она уже почти добралась до строящегося фонтана, когда обратила внимание на шаги за своей спиной. Сначала она почувствовала, как замерзшая земля вибрирует под ногами. Затем услышала звук. Она сделала шаг в сторону, чтобы пропустить вперед бегуна.

Удар в спину был сильным. Кафа упала вперед на каменные плиты у фонтана, едва успев выставить перед собой руки. Жгучая боль в колене, грязь и гравий впились в ладони, и подняв голову, она увидела высокого мужчину средних лет в тренировочных леггинсах и толстовке с капюшоном. Он пробежал мимо и даже не обернулся.

– Извините, – прокричал он и побежал дальше.

– Но какого хрена...

Кафа с трудом поднялась на колени. Твою же мать. Она приземлилась на замерзшую грязь. Руки болели, а на колене брюк образовалась дыра. Брюки вообще-то недешевые были.

– Все нормально?

Кафа обернулась на голос. Пожилая женщина маленького роста в круглых очках и в безупречном дорогом пальто протянула ей сумочку. Та женщина с остановки.

– Ну и тип. Даже не остановился, – сказала она и помогла Кафе подняться.

Глава 14

Утреннее солнце еще стояло низко на небе. В нескольких окнах бетонного строения, где разместилось отделение ортопедии Софии Минде в больнице Акера, горел клинический свет. Замерзшая осенняя листва хрустела под ногами. Фредрик ходил вперед-назад перед зданием. Клубы пара изо рта увеличивались в объеме по мере того, как телефонный разговор становился громче.

Открывая входную дверь, Фредрик впустил с собой порыв ледяного ветра. Андреас глубже засунул руки в карманы куртки. Тонкий шарф – единственный признак того, что холода все же осознавал – на улице уже вовсю ноябрь. Светлые летние брюки и обтягивающая желто-белая рубашка подчеркивали загорелое лицо под копной седых кудрей. Андреас мог быть красивым мужчиной, когда был в настроении.

– Косс? – спросил он, встретившись с мрачным взглядом Фредрика.

– Беттина, – буркнул Фредрик в ответ.

– Хочешь поговорить об этом?

Фредрик посмотрел на часы. Еще оставалась пара минут до назначенной встречи.

– Нет, – ответил он, но все же продолжил: – Она бесится, что Якоб все время сидит в своей комнате. Утверждает, что он асоциален. Что нам нужно заставить его больше времени проводить с друзьями.

Он опять забормотал.

– Знаешь, что я делал, когда был пацаном? Мы жили рядом с заведением для людей с задержкой в развитии. Вместе с другом сидели в роще и стреляли по ним из пневматического ружья.

Он этим не хвастался, но это было правдой. Было чертовски трудно попасть. Зерна кукурузы разлетались во все стороны. Три попадания подряд, и друг покупал сигареты.

– Так что если юношеский бунт Якоба заключается в том, что он сидит в своей комнате и пьет колу зеро, почти идеально играет Брамса и срать хотел на уроки, то я скажу – да ради бога.

Фредрик потер ладони друг о друга, чтобы вернуть им тепло.

– Его Академия будет давать рождественский концерт в Народном театре. Крутая тема. Полно народу, члены правительства и все такое. Якоба пригласили играть. Беттина считает, что мы должны запретить ему, если он не *изменит поведение*.

Последние слова он произнес тоненьким скрипучим голосом Беттины. Фредрик увидел, что Андреас поднял брови, и заметил, что его это, кажется, немного задело.

Их принял молодой протезист с прямой спиной и черной как уголь кожей. Когда им был предложен на выбор зеленый чай или *чага*, Андреас обошел вокруг древние протезы из дерева, стали и кожаных ремней.

– Вы не пьете кофе в вашей стране? – спросил он кисло.

– В моей стране? Что вы имеете в виду?

Фредрик послал коллеге резкий взгляд, на что Андреас замотал головой.

– Просто расскажите нам о руке.

– Довольно обычный протез, – пояснил протезист. – Не самый продвинутый, но с механической силиконовой кистью руки, она может хватать и поворачиваться.

– И он изготовлен у вас? – спросил Фредрик.

– Верно. Пациенту ампутировали руку за границей, но он был на реабилитации в больнице Сюннос.

– Ага. А где за границей?

Парень почесал густые брови большим и указательным пальцами.

– Это занятная история. В Сюнносе почти нет данных по этому пациенту. Он, видимо, попросил их все удалить. Конечно он имеет на то полное право, но это очень необычно.

– Но имя-то у вас есть? – нетерпеливо перебил его Андреас.

– Есть, – сказал протезист, раздраженно покосившись на него, и достал визитку из нагрудного кармана. – Я записал его сюда. Здесь же у вас будут и мои данные, если что-нибудь понадобится, – сказал он, положив визитку на стол.

Фредрик наклонился и сощурился.

Труп из люка звался при жизни Микаэлем Морениусом.

Глава 15

Осень. Из всех метафор больше всего она не любила эту: осень жизни. Которая наступает вместе со старостью, но иногда врывается как снежная пурга посередине мая.

Именно здесь, в ее кабинете, или в кабинетах других врачей дальше по коридору, и поднимался этот ветер. Врачи как будто прогнозировали погоду, когда сообщали, что, вероятно, головная боль – от чего-то большего, чем просто от стресса. Что свернувшаяся кровь в фарфоровой чашке – признак чего-то другого, чем обычных полипов.

Осень уже наступила. И теперь их ожидает зима.

Бочкообразная дама в халате врача смотрела куда-то поверх голов пожилой пары, сидящей перед ней. На улице в солнечном мерцании бронзой светилась листва, ветер свистел между корпусами больницы, и ледяной воздух задувал в щель в окне, вытягивая запах болезни, мыла и лекарств.

Женщина сидела, склонившись и потирая колени. Муж рукой с изящными, почти женскими пальцами гладил ее по спине. У него было отсутствующее выражение лица, и врач понимала, что он прислушивается к голосам детей за дверью. Там их двоих негромко ругала медсестра.

Как он справится? Один с детьми? Доктор знала, что именно об этом он думает.

– Вы абсолютно уверены?

Врач была уверена.

– Но... – начала женщина.

Ну вот, началось.

– Мы... мы же собирались в Индию. Руар получил работу в посольстве. Мы... мы не сможем поехать? Что я скажу своим детям?

Врач средних лет в подтверждение только покачала головой. Нет. Они не поедут в Индию.

– Мы можем облегчать боли. Обсуждать способы продления жизни. Но никакого лечения нет. Вы должны подготовиться к новой жизненной ситуации. Все вместе.

Потому что ты умрешь. В течение года твое время закончится. Вот что ты скажешь своим детям, подумала врач.

А он довольно сообразительный, этот Руар. Его глаза оживились. Он отреагировал так, как делают те, кто предстал перед смертью. Начал искать выход.

– Но... может быть, нам следует поговорить с другим врачом? Сделать новые исследования? Разве нигде нет никакого лечения? Может быть, в США? У нас есть средства.

– От рака люди умирают и в США тоже, – ответила врач.

Как часто ей приходилось сидеть вот так, за этим столом? Мы, люди, почему-то думаем, что мы такие особенные. Такие уникальные. Но мы не такие. Мы – это просто бесконечная череда причин и следствий с пустым пространством между.

Она считала осень красивой. И было печально, что ее наградили такой метафорой.

Когда пара ушла, она выдвинулась на коляске из-за стола. Подкатилась к окну и открыла его настежь. Откинувшись на спинку, стала бегать глазами по фасадам зданий больницы. Сидела так, пока не задрожала от холода, пока пальцы на руках не побелели, а на ногах не сжались.

Руар с женой, которая никогда не узнает, каково жить в Индии, взяли с собой детей в центральный блок больницы Уллевол. В тихую комнату. Там и прольется свет. Там дети обо всем узнают.

Пока они не вернуться, пройдет какое-то время, и это было ей на руку. Она выкатилась в коридор и подтолкнула коляску к маленькой семейной палате. Открыв дверь ногой, остановила

коляску и поднялась. Было больно, но это только на пользу кровообращению. У кровати она подняла трубку с телефона пациентов и позвонила.

– Каин, – ответили на другом конце.

Глава 16

– Холостой выстрел, Фредрик.

Андреас посмотрел на него, криво улыбнувшись, кивнул на магазин, который Фредрик только что опустил в карман. Затем показал на боеприпасы на второй полке стального шкафа.

– А эти боевые.

Фредрик прошел за ним между коричневых деревянных барачков к кабинкам для стрелков, которые находились на стрельбище Левеншолд в Эйксмарка. Узкая, длинная дорога к полю с мишенями и через еловый лес к полям для стрельбы из пистолета, где тренируется полиция Осло. Один из черных фургонов отряда мгновенного реагирования стоял на парковке, и быстрые, шумные автоматные выстрелы грохотали между стволов деревьев. Фредрику это не нравилось. От этого треска он потел, и тяжесть полуавтомата «Хеклер и Кох» на бедре была непривычной.

Надев на переносицу желтые защитные очки, Андреас повернулся к Фредрику.

– Я заходил в аукционный дом, *Бьерхе*, – сказал он с преувеличенным иностранным акцентом, чтобы подчеркнуть свое презрение к таким изыскам высшего общества. – Все размышлял о каталоге, который патологоанатом нашел в кармане Микаэля Морениуса. – Он резко задвинул магазин в пистолет. – Поначалу они пытались что-то болтать про конфиденциальность, но когда я показал им пару снимков с крупными планами трупа, нам удалось найти общий язык. – Андреас засмеялся. – Мне дали список покупателей, – продолжил он. – В нем нет Микаэля Морениуса. Пока я узнал только то, что некоторые компании зарегистрированы за границей. Одна из них на Каймановых островах. Там налоговый рай.

Он поднял оружие, наклонил голову набок и прищурился, глядя на ствол.

– А что если он отмывал деньги? Покупал антиквариат на наркodenьги? Владельцев таких компаний отследить почти невозможно. Но должна же быть причина, почему этого мерзавца пытали и затем убили. Может, он нагрел не тех людей?

– Возможно, – сказал Фредрик. – А что насчет того зеркала, которое он отметил?

Коллега покачал головой.

– Никто не делал на него ставки.

Андреас считал, что Фредрику пойдет на пользу опустошить пару магазинов по маркерам после посещения изготовителя протезов. Но он был совсем не уверен в том, что они оказались здесь не ради его самого. Коллега уже успел дважды попасть в яблочко, когда Фредрик только собирался выстрелить.

Сделав глубокий вдох и опустив плечи, Фредрик сжал в руке полимерную рукоятку. Попадание. Выстрел. Попадание.

– Хорошо, – сказал Андреас и зацепил защитные очки за рубашку на груди. – Приятнее, чем трахаться, правда?

Фредрик пожал плечами.

– Может быть, ты просто спишь не с теми.

– У меня такое впечатление, что и ты тоже, – ответил Андреас.

На засыпанной гравием короткой березовой аллее, по которой они шли к вилле на Бюгдей, лежал иней. Фредрик приотстал от Андреаса и остановился. Вдыхая ничем не пахнущий ноябрьский воздух, он глядел на женщину, ожидавшую их у красного деревянного здания. На Кафу Икбаль. Она тоже смотрела на них.

Полтора года прошло с тех пор, как Кафа перешла к ним из службы безопасности полиции. Вместе они расследовали дело о бойне в общине Сульру в Маридалене. Он спас ее жизнь. Она спасла его. Такие вещи связывают. Возникли чувства. И в какой-то момент даже он совер-

шенно сошел с ума. Но этим чувствам не суждено было во что-то перерасти. Ни разу не прикоснувшись к ней, даже не поцеловав, он закрыл эту дверь. Потому что его дом был уже полон. Беттина и Элис с Эриком и детьми, вернувшимися из Трумсе.

Есть свои плюсы в том, когда оставляешь все как есть, а не стремишься к переменам. Всем известно, что влюбленность подобна костру. Без топлива он затухает. Он отодвинул Кафу от себя и позаботился о том, чтобы они не работали над одними и теми же делами. Он поднимался, когда она приходила, и возвращался на место, когда уходила.

Но вот он и она оказались тут. У нее на лестнице лежал труп, которого, как она думала, звали Микаэль Морениус. У него был труп в люке, которого действительно звали Микаэль Морениус. Что еще объединяло эти дела, кроме перста судьбы, заставившего их работать вместе?

Огонь в нем все еще тлел. Он почувствовал тепло, стоя перед ней. Эта хрупкая и гибкая пакистанка с быстрым умом и острым языком. Темные волосы лежали волной над добродушными глазами, красивые формы облегла шерстяная куртка.

– Я смотрю, ты выбросил трость?

– На самом деле, я ее потерял.

– Нужно следить за тем, что любишь, – холодно сказала она и провела его в холл.

Он заметил, что Кафа прихрамывает, но предположил, что она все же делает это не из солидарности с ним.

Холл оказался таким же, каким она описала на ориентировке. Темный и почти величественный в приглушенном свете люстры. Гвозди, криво торчавшие из стен, навеяли Фредрику ассоциации со средневековым пыточным орудием, а вонь только усиливала их. Труп уже давно пора было убрать. Очевидно, Кафа поняла, о чем он думает.

– Труповозка приезжала, и все было готово. Но с этим телом в люке...

До Фредрика дошло. Это было первое дело Кафы в качестве главного следователя. И она не собиралась облажаться. Ведь то, что труп все еще лежал здесь, не играло никакой роли. Пока что никто не записался на похороны.

– Так что поэтому он еще здесь. Мужчина, которого мы до этого момента считали Морениусом, – сказала она.

Фредрик поднялся по лестнице к мертвому. Осмотрел разбитую чашку и гниющее тело. Начальница бригады криминалистов, болтливая женщина по имени Тересе Грефтинг, уже собиралась раскрыть мешок, в который погрузят труп.

– Не завидую вам с этой ношей, – сказал Фредрик, подойдя к ней.

Она подняла глаза на него.

– Да, чертов боров. Он здоровенный.

Грефтинг показала на носок, туда, где торчал темный скрючившийся большой палец.

– Он наступил в кофе, – сказала она, проведя пальцем под резинкой капюшона и вытерев пот о полу белого халата. – Ну, что думаете? Поскользнулся и упал? Несчастный случай?

– Знаете, сколько человек умерло в Осло в прошлом году? – Кафа неслышно подошла к ним. – Три тысячи девятьсот пятьдесят шесть. Каждую неделю случаются несчастные случаи подобные этому.

Она посмотрела на Фредрика.

– Но этот был инсценирован, чтобы выглядеть как несчастный случай. Меня вчера ограбили. Тот, кто сбил меня с ног, украл материалы с уликами. Тут было совершено преступление.

Глава 17

Столовая оказалась продолговатой комнатой с оранжевыми гардинами. По пути туда Кафа указала на место, где они нашли оторванный кусочек фотографии, а в столовой их встретил жесткий голос – Андреас лаялся с кем-то по телефону. Звук слегка приглушался висевшими на стенах коврами. Одни с узорами каких-то абстрактных цветов и форм, другие – с пейзажами, религиозными мотивами и животными. Тканые полотна источали запах натуральной шерсти.

Инспектор Косс тоже уже был здесь.

– Тебя ограбили? Что это значит?

Кафа показала свои ладони. Они были ободраны, с еще свежими корками.

– Меня сбил с ног пробежавший мимо. Сначала я подумала, что это просто случайность, что какой-то мешок дерьма просто не заметил меня. Но придя домой и собираясь перечитать папку с материалами по делу Микаэля Морениуса, я обнаружила, что она пропала. Я уверена, что папка лежала в сумке.

– Но почему...

– Я подумала, что это не будет иметь никакого значения. Просто пересмотрю информацию заново. Но не вышло. Теперь в регистре не осталось никакого Микаэля Морениуса. Ни адреса, ни даты рождения, ни семьи... ничего. Все пропало. Удалено.

– Ты шутишь?

Андреас закончил разговаривать по телефону парой крепких словечек. И подошел к коллегам, недовольно ворча.

– Я говорил с патологоанатомом Хайсманном. Его разбудил ночью звонок с ночной вахты из Центральной больницы. Кто-то пришел туда и потребовал выдать все личные вещи Морениуса. Хайсманн мигом сел в машину, но когда он приехал, коробку с вещами уже забрали.

Фредрик, недоумевая, стал хватать ртом воздух.

– Это... это же улики. В деле об убийстве. Никто не может просто взять и...

– Может, – перебил его Андреас. – По решению суда. Я только что говорил с ними. Какой-то там судья первостатейной инстанции, сволочь. Он подтвердил, что решение подлинное. Но он ни слова не хочет говорить о том, кто попросил получить его и на каком основании. Ссылается на статью в законе о безопасности.

Андреас взглянул на Косса.

– Закон о безопасности! Ты же юрист. Закон о безопасности касается терроризма. Госбезопасности. Всего вот этого дерьма. А это что за чертовщина?

Инспектор отреагировал на эту вспышку прохладной миной. Не получив ответа, Андреас продолжил:

– Хайсманн отследил зубную карту Морениуса. Но теперь и она исчезла.

Он сделал шаг назад.

– Вы понимаете что тут происходит? Все следы Микаэля Морениуса вот-вот превратятся в дым, прямо у нас на глазах.

В углу комнаты стоял обеденный стол, покрытый ниспадающей черной в белую полосу гобеленовой скатертью. Косс сделал шаг к столу и наклонил голову набок.

– Что мы вообще знаем об этом Морениусе? – спросил он, явно думая о чем-то другом.

– Немногое, – ответила Кафа. – Он никогда не упоминался в газетах, в соцсетях его нет. Ни работодателей, ни судимостей.

Инспектор повернулся к ним.

– Значит, жил инкогнито, скрываясь за чужим именем. Никто не заявил о его пропаже. Ни жены? Ни родителей, ни детей?

Кафа покачала головой.

– Возникает вопрос, почему так? – сказал Косс. – Почему он так жил? Кем он был?

Фредрик посмотрел на инспектора, перевел взгляд на оранжевые гардины и на мрачный осенний сад на улице. Было два возможных объяснения. Или на Микаэля Морениуса кто-то охотился. Или он сам был охотником.

Бывает, что государство скрывает тех, за кем охотятся. Это могут быть женщины, убежавшие от мужей-насильников. Звезды, которым докучают назойливые преследователи. Политики, которым угрожают.

Адреса, телефонные номера, дети. Все засекречивается так, чтобы только единицы из полиции имели доступ к данным.

Но есть еще и другая категория. Преступники. Бывшие участники террористических организаций, может быть. Военные преступники или члены мафии. У них есть одно общее – все они мелкая рыбешка. Государство защищает их потому, что они сдают крупную рыбу в обмен на более мягкое наказание. Может быть, Андреас предположил правильно? Что Микаэль Морениус отмывал деньги, но стал слишком жадным? Что власти вычислили его и он наступал на старых знакомых?

Фредрик подумал о шрамах Морениуса. Кто-то так разозлился на Микаэля Морениуса, что стрелял в него из дробовика. А позже его сначала пытали и затем убили. Это хорошо вписывается в портрет вероломного преступника. Может быть, его настигло прошлое, и он понес наказание за стукачество?

Но в этой версии был изъян. Ведь какой смысл пытаться предателя, если никто об этом не узнает? Пытают, чтобы испугать других, чтобы те держали рот на замке. Так почему же он стал едой для крыс? Мог ли он выдать какую-нибудь террористическую организацию? Наркобанду? Это бы объяснило, почему суд сослался на закон о безопасности. Это объяснило бы, почему испарились все следы, один за другим. Это бы объяснило необходимость скрывать свою личность.

Кто-то защищает его даже после смерти.

Но что тут делали его водительские права? И тогда чей это смердящий труп на лестнице?

– Где вы нашли права? – спросил Фредрик.

– Там, – Кафа показала на пол рядом с глубоким кожаным креслом, стоявшим на ковре с длинным ворсом у окна. Фредрик опустился на четвереньки. Заглянул под кресло, погладив рукой по темному ворсу. Понюхал ее. – Кофе, – пробормотал он, поднимаясь на колени.

– Парень на лестнице ходил по дому в одних носках. Штанах для бега и дырявых носках. Ведь так люди ходят у себя дома, разве нет?

– Да, – ответила Кафа. – Похоже, он здесь жил, – продолжила она. – Остается загадкой, что же случилось с той женщиной, которая должна была тут жить. С Гердой Тране.

Может быть, толстяк ее похитил? Может, он был тем чокнутым подонком, который записывал и насиловал старух? Сдирал с них кожу, дрожа и смеясь?

– Конечно, могло быть и вполне правдоподобное объяснение. Но тогда зачем он говорил соседям, что его прислали из коммуны? Если он был другом или дальним родственником, зачем лгал?

– Выясните это, – хмуро сказал Косс. – Обнаружение трупа в люке не просочилось в СМИ?

– Нет.

– Хорошо, пусть так и остается.

Рыжеволосая полицейская, стоявшая в дверях, торопливо подозвала Кафу к себе.

– Подойдите сюда, – сказала она. – Мы обнаружили улику. В саду, под листьями.

Между высокой изгородью из барбариса и задней стеной виллы на траве полукругом лежали камни размером с шары для боулинга. Посреди бок о бок были посажены две березы.

Выглядело это как мемориал.

Глава 18

Капля пота, скопившегося на ладони, быстро соскользнула по запястью и исчезла в темных волосах подмышки. Ладонь была липкой, и Каин хотел закончить телефонный разговор как можно скорее. Он держал мобильный горизонтально у рта. Из плоского аппарата сочились невидимые волны, он знал это. Лучи нагревали клетки мозга, заставляли их вибрировать и срастаться, образуя уплотнения из мутировавшей ткани, тем самым выедали себе путь в голове. И затем встречались с безбожными небесами, высоко над жилым домом на улице Рейхвейнгате в Рюселекка.

– В пятницу, – тихо сказал он. – Лин приедет к тебе в пятницу.

И положил трубку.

Лин лежала, прижавшись щекой к его голой груди. Она глубоко вздохнула, но Каин не думал, что разбудил ее. Узкая полоса солнечного света нашла путь между штор, и молочного цвета кожа Лин заблестела глянцем апельсина. Взглядом он последовал за полоской. По низкому, в восточном стиле столу и пакету с растолченными в порошок таблетками. По белому дивану с подушками в форме сердец. Фарфоровые куклы на подоконнике, пузырьки парфюма с детским запахом абрикоса и ванили, школьная форма, висевшая на вешалке в шкафу. Да, Лин уже начинает стареть. Даже несмотря на свои тонкие косички.

Вновь толчок внизу живота, и он почувствовал, как поры открылись, и тело стало мокрым от тягучего вонючего пота. Ему пришлось напрячь мышцы живота и сжаться, чтобы не обделаться. Медленно сосчитать до двадцати. Судороги немного отпустили. Кисло-сладкий запах вырвавшихся газов после спидов наполнил комнату и напоминал пережаренный лук.

Скоро все закончится. У него оставалась только пара граммов. И все закончится. Больше никаких амфетаминов.

Осознание пришло, когда Каин стоял в подвале. С серебристого цвета ледорубом в руке по локоть в крови. Прикованный взглядом к зияющей дыре в черепе Микаэля Морениуса.

В отличие от животных, у людей есть способность представлять себя на месте других. Мы ставим себя на место страдающего и чувствуем чужую боль. Это называется сострадание. Но сострадание не существует само по себе. Оно находится в симбиозе с темной стороной человеческой души, которая рождает фантазии о страдании и наши безграничные способности придумывать их. Те самые фантазии, которые подарили нам девятихвостый кнут, вилы для сожжения на костре инквизиции и «стул Иуды».

Удивительно, из чего жестокость может черпать подпитку, подумал он. Эти выпендренные золотые сигареты. Да за кого эта свинья его держала? И Каин часами отрывался на нем по полной. Ломал пальцы, прожигал окурками, бил и пинал. Он открыл ворота своей хорошо развитой фантазии. Глаза. Он не мог выносить их жалостливого выражения. И он выжег их. Не почувствовав и тени сострадания. Только стук крови, приливающей к барабанным перепонкам, власть и опьянение.

Каин даже не спросил, зачем. Ему дела не было до того, кем тот был. Женат ли? Есть ли у него дети? Он понятия не имел. Только его имя. Того, кто должен умереть, звали Микаэль Морениус.

Это был приход. Амфетамин ограждал человека снаружи, запирая зверя внутри. Психоз. Не он. Он не такой. Каин. Убийца.

Это не я.

– Он не сразу заговорит, – сказал ему брат. – Но в конце концов расколется.

И он оказался прав. Конечно же прав. И они узнали, что остался всего один, кто знал. И это будет последняя жертва. Последняя плата.

Как можно более аккуратно он постарался взять женщину за хрупкие плечи. Снял ее с себя, но, видимо, недостаточно осторожно. Она проснулась, перевернулась на спину и посмотрела на него. Ему стало стыдно за запах, но Лин промолчала.

– У меня кое-что для тебя есть, – сказал он.

И пододвинулся на край кровати, вставил ноги в военные сапоги на полу и запустил руку в карман куртки. Овальной формы украшение размером с детскую ручку переливалось золотым и ярко-красным цветом и позвякивало толстой цепочкой у него в руке. Лин взяла кулон в свой маленький кулачок. Провела пальцем по золотой оправе. Центральная часть была усыпана драгоценными камнями размером со слезу. Лин дотронулась до них.

Каин наклонился вперед и открыл пакет на столе. Насыпал немного белого порошка на мягкую кожу между указательным и большим пальцами и втянул в себя синтетический опиоид. Велюр. Судороги в животе прекратились. Темгезик был его спасением. Это средство ему дала *она*. Женщина, с которой он говорил по телефону. И это был путь к избавлению от амфетаминов.

Лин погладила его по спине, и он посмотрел на нее. Она села, скрестив ноги, и маленькое сердце на резинке хлопковых трусов перекошилось. Она повесила цепочку себе на шею, и темно-красный кулон закачался между грудей. Он ткнул в него указательным пальцем и дотронулся до ее соска. Тот был темный, почти черный и твердый.

– Я думаю, здесь внутри сокровище, – прошептала она и постучала по украшению коротким ноготком. Потеребила его немного и взяла Каина за руку. – Но я не буду его открывать. Ты купил его мне?

– Да, – солгал он.

Глава 19

Ковш осторожно снял верхний слой дерна. Листья, земля и увядшая трава образовали кучу между задней стеной виллы на Бюгдей и живой изгородью. Хлопья мокрого снега ложились на мотор экскаватора, таяли и превращались в горячий, с запахом выхлопных газов пар. Каждый захват ковша проверяли двое полицейских в униформе.

Фредрик дрожал от холода под дождевиком. Из окна столовой доносился грохочущий голос Себастиана Косса. Инспектор был в ярости из-за того, что они не обнаружили эти камни в саду раньше. Фредрик знал, что ему стоило быть в доме и защищать Кафу, но сил на это не было. Вместо этого он выпил таблетку и ушел. Потому что Косс прав. Почему она не позаботилась о том, чтобы прочесать сад? Черт побери, она обязана была это сделать. Ведь речь идет о том, чтобы составить как можно более полную картину места преступления, и это знают все полицейские. Все хорошие полицейские, по крайней мере. Она схалтурила? Непохоже на Кафу.

Выхлопные газы ударили в нос, и Фредрик поспешил уйти оттуда. Рядом с аллеей находилась вытянутая лужайка. Посреди нее возвышалась плакучая ива. Ее ветви практически вертикально свисали до самой земли. Хотя на ней осталось всего несколько увядших листьев, Фредрик едва разглядел ствол. Он раздвинул ветви и вздрогнул от капель, упавших на лоб. Здесь внутри оказалось так тихо. Почти совсем темно, и шум экскаватора сильно приглушился. Кто-то вырезал буквы на стволе.

«Агнес + Аксель».

Прорезы в коре были глубокими, значит, надпись старая. Фредрик вспомнил, что сказала Кафа. У Герды и Эрнста Тране был сын. Аксель. И его давно нет в живых.

Запах сырой земли напомнил ему о матери, о том, как она ухаживала за многочисленными цветами и растениями на балконе во Фрогнере. Он лежал там, закрыв глаза, на зеленом войлочном коврике, и от запаха сырой земли и срезанных сучьев уносился куда-то далеко под шум ветра в плетистых розах.

Как, должно быть, хорошо здесь было ребенку. Под гигантской ивой, ограждающей от мира вокруг и позволяющей в мыслях и фантазиях быть вместе с Агнес. Кем она была? Девочкой по соседству? Первой, кого Аксель поцеловал? Той, которая разрешила ему потрогать себя под блузкой? Быть может, она была единственной, с кем он имел близость.

Фредрик вернулся к мыслям о Микаэле Морениусе. Что он такого сделал, такого важного, тайного и ужасного, что нужно было стереть всю его жизнь? Фредрик пальцами провел по буквам в коре и понял, что им нужно. Им нужно найти дом Морениуса. Срочно. Ведь там могут вымыть пол, покрасить стены и сжечь мебель.

Фредрик не слышал, как его позвала полицейская, и вздрогнул, когда рыжая женщина просунула голову между ветвей.

– Два трупа, – сказала она. – В яме лежат два скелета.

На нижней фаланге безымянного пальца сохранилось серебряное кольцо. Сложенные руки покоились на коричнево-черной реберной решетке. Светло-седые волосы приклеились к черепу. Второй мертвец был выше и, по-видимому, лысым. Они лежали на глубине менее метра под землей, бок о бок. В лысом черепе недоставало двух зубов на верхней челюсти. Остатки одежды говорили о том, что похоронили их не голыми.

– Думаю, обе – женщины, – сказала Тересе Грефтинг. – У обеих низкий и широкий таз.

От боли в колене Фредрик тяжело выдохнул, присаживаясь на корточки. Насколько он мог судить, эти тела не просто сбросили в яму, а заботливо уложили.

От костей и покрывавшей их земли пахло грибами и слегка аммиаком.

– Долго они тут лежат?

Кафа положила свою руку Фредрику на плечо. Интересно, ради него или ради самой себя?

– Герда Тране, – сказала она, кивнув в сторону ямы.

– Не удивлюсь, если так, – ответил он, подняв глаза. Ее лицо было серым и ничего не выражающим. Кафа понимала, все уже в курсе, что она получила урок.

Но кто же была вторая?

Раздраженное брюзжание Себастиана Косса свидетельствовало о том, что он прокладывает дорогу к яме.

– Поднимите их, – приказал он. – Поднимите и выясните, кто это такие, черт побери. Как думаешь, Икбаль, справишься с задачей?

Глава 20

Кафа с Фредриком стояли под мрачным гобеленом в столовой. Фредрик изучал ее взглядом, пока она раскладывала стопку документов на столе.

Прошло почти двадцать четыре часа с тех пор, как они нашли останки. Кафа уехала с виллы сразу, как только испарился Косс, но измученное лицо говорило о том, что у нее была бессонная ночь.

Фредрик хотел спросить, как она, но что-то в ее быстрых, решительных движениях, в том, как она надела шерстяную куртку, заставило его промолчать.

– Тот аукционный каталог, что вы нашли, – тихо произнесла она. – Он очень важен.

Фредрик кашлянул.

– Андреас тоже так считает. Он думает, что Микаэль Морениус – настоящий владелец фирмы, зарегистрированной на Каймановых островах. И что он отмывал деньги.

– Он рассказал мне, – произнесла она, не поднимая головы. – Но вы забыли про зеркало.

– Что ты имеешь в виду? То зеркало в стиле рококо, которое было обведено? Его же не продали.

– А вы проверили, кто хотел его продать?

Нет. А Кафа проверила. Деньги от продажи нужно было перевести на счет архитектурной фирмы с названием «Утиное сердце». Ее основали примерно год назад и закрыли спустя всего пару недель. За это время фирма успела обзавестись и счетом предприятия, и блестящей белой «БМВ 520». И, очевидно, антикварным зеркалом.

Судя по всему, ночью Кафа времени зря не теряла.

– И что же эта фирма? – спросил Фредрик. – Ее владельцем был Морениус?

Она покачала головой.

– Человеком, который судя по всему основал архитектурную фирму «Утиное сердце», является рыбак из Лекнеса на Лофотенах, девяносто одного года от роду. Проблема только в том, что у него семь классов образования и живет он в учреждении для маразматиков. Я говорила с его дочерью. Он прямую линию прочертить не может.

– Прикрытие, – пробормотал Фредрик.

Кафа взяла какую-то фотографию из документов. Она была сделана автоматической камерой в туннеле Осло-фьорда, зернистая и серая, с изображением белой машины с худым короткостриженным мужчиной за рулем.

– Вот эта «БМВ». Но фото слишком плохое, чтобы мы могли сказать точно, что это Морениус. Но похож, – сказала Кафа, показав на водительское удостоверение, которое они нашли здесь, в столовой.

– В любом случае, это не престарелый рыбак в маразме, – заключил Фредрик.

Восемьдесят два километра в час в зоне, где разрешено ехать семьдесят. Интересная деталь. Но иногда такие детали не означают ничего более, чем есть на самом деле.

Фредрик покосился на Кафу. Он подумал, что она удостоит его улыбкой. Но ее лицо оставалось непроницаемым.

– Вот выписка со счета предприятия, – только и сказала она.

Кружки, обведенные синей ручкой, свидетельствовали о том, что Кафа нашла какую-то закономерность.

– На счету лежит примерно миллион крон. Снимают только наличные, и последнее снятие совершено примерно в то же время, когда, по нашим предположениям, умер Микаэль Морениус. Тот, кто снимал деньги, пользовался банкоматами по всему городу, иногда за городом. Суммы разнятся, но никаких огромных сумм. Но каждый месяц, четырнадцатого или

пятнадцатого числа он снимал сумму крупнее обычного, в одном или двух банкоматах. Оба находятся во Фрогнере, один в киоске, другой в банке.

Фредрик решил остановить словесный поток Кафы, положив ладонь на документ. Она подняла голову и посмотрела на него.

– Не позволяй идиоту Коссу отнимать у себя ночной сон, Кафа.

Она отодвинула его руку.

– Регулярные снятия, каждый месяц, – продолжила она. – Как считаешь, они шли на арендную плату? Думаешь, это может означать, что Микаэль Морениус жил во Фрогнере?

Фредрик попытался еще раз.

– Я знаю, о чем говорю, Кафа. После дела Сульру козлом отпущения сделали меня. Попасть в такого рода передрыгу – чертовски больно. Не делай этого. Я пытаюсь сказать, что...

Ее взгляд стал жестче.

– Ты пытаешься сказать, что все ошибаются. Но мы с тобой разные, Фредрик Бейер. Если я облажаюсь, я за это и отвечаю.

Кафа сжала руку в кулак.

– Знаешь, чем сейчас занимается Андреас? Он находится на склоне за виллой, осматривает погреб. Чертов погреб с картошкой. Я топталась здесь целыми днями, и мне даже в голову не пришло, что здесь может быть погреб! Твою мать, Фредрик. Если хочешь помочь, помоги мне с этим делом.

В окно постучали. Снаружи стоял Андреас в резиновых сапогах поверх костюмных брюк.

Погреб находился на восточной стороне виллы, на склоне, выходившем на бухту Лангвик. Ржавые лопаты, грабли и ломы опирались на влажные земляные стены. Здесь стояли старые газонокосилки, почвенная фреза и старые детские велосипеды. Но Андреас показал им другое – сундук из гофрированного алюминия. В такие сундуки солдаты складывают свои вещи перед тем, как их отправляют на заграничные операции.

Сверху лежала разобранная AG3. Старая автоматическая винтовка Вооруженных сил. Пахло смазкой и жиром. Под белой тряпкой они нашли военную форму и рюкзак со свитерами, нижним бельем и зимним камуфляжем. Две картонные коробки с патронами. Одна из них с патронами для AG3, а во второй – пули меньшего калибра.

Кафа опустила на колени перед сундуком и подняла рваный фотоальбом. Он оказался пуст. Но сзади к нему была приклеена пластиковая папка, такая, в которую обычно кладут негативы.

– Свадьба Эгона и Сюзанны. Фото АО, – прочитала она вслух.

– Молодожены, да. Похоже, перед церковью.

– Наверное, сундук принадлежал сыну, – сказал Андреас. – Аксель Тране, тот, кто погиб на службе в Вооруженных силах. Мог он служить в Хемверне⁷?

Фредрик сконцентрировал внимание на последнем предмете в сундуке. Грубый бесцветный холщовый мешок. Он имел своеобразный запах, как будто химикалии смешаны с консервированной едой. Фредрик аккуратно развязал полусгнившие концы веревки, которой мешок был перевязан сверху. Опустил крышку сундука и разложил на ней содержимое.

Вязаные вещи, лежавшие сверху, были дырявые и размером не больше, чем на ребенка. Деревянная лошадка с выщербинами. Фотография. Зернистая и пожелтевшая, с изображением девочки за потертым письменным столом. Один из уголков фото был оторван. В руках девочка держала потрепанного плюшевого медведя. У нее было плоское, широкое и милое лицо, темно-русые волосы заплетены в тугую косу. Выражение ее лица было серьезным и торжественным.

⁷ Внутренние войска.

Фредрик перевернул фотографию. На обороте был едва различимый водяной знак фирмы.

– *Калипсо*, – прочла Кафа. – Это та фотография, которая висела в холле.

Глава 21

"Wham bam, thank you Sam. Pizza that's making you moan".⁸

Фредрик рассматривал футболку, которую всучил ему владелец, очевидно, по имени Сэм. Под текстом красовался рисунок, изображающий матку, с фаллопиевыми трубами и всем остальным, такого типа, как используют в школе, чтобы объяснять разницу между мужчиной и женщиной. Но яйцеклетка, которая вот-вот должна оплодотвориться, заменена пищей, а у сперматозоида вместо головы оливка.

– Оливка – это типа наша фишка, – пояснил Сэм. – Возьмите себе. У нас на складе еще тысяча двести штук. Получили хороший *deal*⁹, – ухмыльнулся он и провел пальцами по золотистым курчавым волосам.

У Сэма зазвонил телефон, и он, извиняясь, пожал плечами.

Прилавок был покрыт тонким слоем муки, и Фредрик заметил, как Сэм смотрел на него, когда он доставал водительские права из кармана и, постучав ими по поверхности стола, принялся сметать муку в кучку. Как будто кокаин. Но только вместо того, чтобы втянуть собранное в нос, Фредрик положил права и взял щепотку большим и указательным пальцами. Затем осторожно посыпал ею на глаза мужчины на крупнозернистой фотографии.

Теперь этот парень лежит в холодильной камере Института судебной медицины с пустыми глазницами. А почти год назад оба его глаза были целы. И он превысил скорость на двенадцать километров. Иногда такие факты не значат ничего больше, чем значат. И это лишь деталь.

В этом расследовании почти не было никаких деталей. Но аукционный каталог вывел следователей на фирму, и по счетам было видно, что владелец, вероятно, живет во Фрогнере. Фирма владела «БМВ», и водитель был похож на Микаэля Морениуса. Морениус любил пиццу, и когда его убили, в его кошельке было сорок четыре кроны.

Сорок четыре кроны – это приблизительно та сдача, которую дают, когда заказываешь большую пиццу с сыром и ветчиной и колу на дом. Фредрик это знал. Ведь он много лет был холостяком.

– Ужастик, – сказал Сэм. – Мы так его называем, понимаете. Он из тех клиентов, кто всегда пожмет тебе руку, когда приходишь с едой. Это вообще-то мило, хоть и у некоторых такие липкие руки, что лучше и не представлять, чем они там занимались перед этим. Особенно достается нашим курьерам-девочкам. Некоторые думают, что они не только пиццу могут заказать, но еще и спецпредложение. Как будто у нас тут бюро эскорт-услуг.

– А Морениус, он был...

– Нет, нет. Он не такой. А, точно, у него же пластиковая рука. А когда развозишь пиццу, может штук двадцать за день, то забываешь такие подробности. И каждый раз одинаково сильно вздрагиваешь. Прямо ужас охватывает. Но он вообще нормальный парень. Не то чтобы хороший, чаевых не дает. Нормальный, даже несмотря на руку. Это же... это же как кукольная рука. Такая продвинутая кукольная рука.

– Ну да, что-то в таком духе.

– Вы не сможете... – Сэм сделал несколько ритмичных движений у промежности согнутыми пальцами и локтями. – Хотя тут ничего особенного, мне кажется. У него же есть еще одна рука. Странно, что он ей не здороваётся.

– Может быть, он здороваётся одной, а второй вытирает зад, – предположил Фредрик и поспешил обратно к машине.

⁸ Туда-сюда, спасибо, Сэм. Застонешь от пиццы без проблем (англ.).

⁹ Выгодное предложение (англ.).

Шиллебекк. Здесь дома с черепичными крышами девятнадцатого века, светло-зеленые, желтые и песочного цвета, с орнаментами, изогнутыми окнами и коваными балконами соседствуют с белыми невзрачными домами межвоенного времени и социальным жильем из бетона, стали и алюминия. Ряды тополей и кленов перемежаются с какими-то фруктовыми деревьями.

Пищу Морениусу приносили в четырехэтажное здание во Фрогнере, на улицу Габельсгате, это примерно в том месте, где мимо по Драмменсвейен грохочет трамвай. Морениус всегда ждал на лестнице, так что Сэм-Туда-Сюда не мог указать Фредрику точный номер квартиры.

Черный грузовик занимал единственное парковочное место рядом с домом, так что Фредрику пришлось пристроиться на боковой улице. Он посмотрел на футболку, лежавшую на пассажирском сиденье. На самом деле она была необыкновенно уродливой. Он свернул ее и открыл бардачок, чтобы засунуть туда. Там лежал пистолет. Видимо, он забыл его здесь после того раза, когда они ходили на стрельбище. Фредрик обернул футболкой оружие и уже собирался положить обратно, но помедлил и взвесил его в руке. Ему в голову пришла одна мысль.

Так как никто не заявил о пропаже Морениуса, Фредрик посчитал за данность, что тот жил один. Но вовсе не обязательно это должно быть так. Большинство убийств совершаются кем-то из ближайшего окружения. Любовница, жена или еще какие-нибудь члены семьи. А что, если там, в квартире, находится кто-то, кто знает, что случилось с Микаэлем Морениусом? Тот, кто надеется, что крысы уничтожили следы проблемы. А вдруг Фредрик сейчас пойдет прямо домой к преступнику?

Отзвук хлопнувшей двери в подъезд разнесся в закругленном коридоре. На лестничных площадках всегда особый запах. Запахи в разных домах похожи, но не идентичны. Тут Фредрик уловил запах потемневшей древесины, зеленого мыла и кошачьего корма. На одной из дверей висела черно-желтая табличка с предупреждением: «Идет дезинсекция от вредителей». Вдоль стены поднималась широкая лестница, выложенная цементной плиткой.

Конечно же, почтового ящика с именем Микаэля Морениуса тут не было. И с названием фирмы, «Утиное сердце», тоже. Тогда Фредрик решил воспользоваться одним старым добрым приемом. На верхнем этаже жила дама, назвавшая себя «Вдова Грече». Такие обычно контролируют все, что происходит вокруг.

Вдова открыла дверь еще до того, как Фредрик успел отнять руку от звонка. Ее сине-серые волосы лежали волнами перманентной завивки. Дверная цепочка раскачивалась на уровне груди в белой шелковой сорочке.

– Если вы продаете что-то кроме лотерейных билетов «Общества полезных мероприятий», то я отказываюсь.

– Я из полиции.

– Дайте посмотреть, – попросила она, нацепив очки на тонкий нос. Фредрик поднял повыше удостоверение, которое носил на шее. Костлявым пальцем она помахала, чтобы он приблизился, схватила карточку и сощурилась.

– Я ищу мужчину, он тут живет. Некий Микаэль Морениус.

Она выпустила карточку из рук и покачала головой.

Фредрик показал водительские права Морениуса. Женщина выхватила их из его рук, вздохнула и раздраженно посмотрела на него.

– Тут пыль, – сказала она и смахнула муку. – Я знаю этого мужчину. От него воняет табаком, и он архитектор.

– Вот как?

– Я не так давно видела его. Он был не один. Вместе с высоким и лысым здоровяком с сощуренными глазками. Знаете, такие маленькие, колючие пороссячи глазки. Он снимает квартиру на первом этаже.

– Ту, где вредители? – спросил Фредрик.

– Вредители? – она выплюнула это слово ему прямо в лицо. – Молодой человек. Это запад Осло. И единственный вредитель, который тут есть, сидит рядом с бакалейной лавкой с пластиковым стаканчиком в руке.

Глава 22

Цепочка с шариками прикрепляла предупредительный треугольник к дверной ручке. «Вредители», пробормотал Фредрик. Про вредителей он знал одно – они перемещались стаями. Он провел рукой вдоль пояса брюк. Ладонью почувствовал рукоятку пистолета. Ключ, который ему дал консьерж, легко проскользнул в замочную скважину.

Фредрик приоткрыл дверь и прислушался. Есть ли здесь кто-нибудь? Жилы на шее напряглись. Дыхание участилось.

Слабый свет от кухонного окна едва доходил до коридора, но его было достаточно, чтобы определить, что Микаэль Морениус обладал чувством вкуса, предпочитая простой стиль. На вешалке висело шерстяное пальто с длинным ворсом. Рядом – спящая африканская маска. Овальные глаза, татуировки и светлые зубы, вырезанные из дерева. Такие маски делаются так: кора укладывается слой за слоем со смолой, пока не становится похожа на смуглую восковую кожу. Это совсем не то, что дамочки среднего возраста привозили с собой из секс-туров по Гамбии. Нет, это *the real shit*¹⁰. *Chikunga*¹¹ – священная маска вождя, из самого сердца Африки.

В квартире стояла абсолютная тишина. Фредрик вытер ладонь о куртку и взял оружие в руку. В воздухе висел запах какого-то ароматического табака, но было в нем еще что-то. Что-то тошнотворное, органическое, гнилостное.

Кухня была слева, а темный коридор вел дальше. Как только Фредрик сделал шаг вперед, то уголком глаза заметил резкое движение. В груди что-то подскочило, и он весь напрягся. Подняв пистолет, он шагнул назад, и мужчина перед ним сделал то же самое.

Зеркало. Чертово зеркало. Фредрик с грохотом врезался в стену рядом с аркой в кухню, колени подкосились. Господи. Неужели он правда такой слабак? Рассматривая свое искаженное лицо, он узнал золоченую раму зеркала из аукционного каталога. Вот, значит, откуда оно. Напольное зеркало было выше Фредрика, шире двери; оно выдавалось вперед, хоть и было старательно задвинуто в угол прихожей. Неровное стекло от времени покрылось пятнами. Фредрик ждал, когда спазм в груди отпустит, рассматривая коридор. Если там кто-то есть, он должен был его услышать.

Он продвинулся вдоль стены, повернулся и заглянул в кухню. Отполированные стальные дверцы без ручек, газовая плита и кухонная столешница из гранита. Дорогие штуки. На подоконнике лежало несколько коробок из-под пиццы. «*Thank you, Sam*».¹²

Черт, как же он вспотел. Рукоятка пистолета липла к взмокшей ладони. Бледное мерцание дневного света в другом конце коридора оказалось дверью в гостиную. Там под потолком висели электронные настенные часы. Двоеточие между часами и минутами мигало красным каждый раз, когда проходила секунда. На одной из стен Фредрик заметил длинную тень, как будто дверь.

Ванная. Пол выложен светло-серой сланцевой плиткой, квадратная белоснежная раковина. Рядом с душевой кабиной навесной унитаз с регулятором температуры для подмывания. На полочке – чистящие средства для протеза, зубная щетка и дезодорант.

Фредрик вытер пот со лба рукавом куртки и направил оружие в сторону гостиной. Зашагал в ритм с ударами сердца. Быстро и решительно. Тут тоже никого. Больше дверей нет. Он здесь один.

Перед журнальным столиком на низких ножках он остановился, давая время пульсу утониться. Над диваном висели постеры с Нью-Йорком на линии горизонта и еще какой-то,

¹⁰ Это дерьмо настоящее (англ.).

¹¹ Чикунга – ритуальная африканская маска (англ.).

¹² Спасибо, Сэм (англ.).

что же это может быть, Сан-Франциско? Не яркие и не китч, простые, графит на коричневой бумаге. Тканевая обивка дивана гармонировала с картинами, а на стальном баре под окном был с миллиметровой точностью установлен усилитель звука «Лингдорф». Дверцы в шкафах раздвинуты, а внутри – ряд книг с небесно-голубыми корешками. Фредрик прищурился. *Great Soviet encyclopedia*¹³. Тридцать один том, плюс том с алфавитным указателем имен.

Фредрик не так уж много знал о людях, которым давали еще один шанс. О тех, кого государство прикрывало своей рукой в обмен на информацию. Но в одном он был уверен. Таких людей не помещают в дизайнерскую квартиру во Фрогнере. Парень, который тут жил, не был никаким низкоранговым мафиози, военным преступником или террористом. Здесь жил человек, который зарабатывал хорошие деньги до того самого дня, когда какой-то дьявол не выжег ему глаза. Мужик, любивший ходить с чистой задницей и быть хорошо одетым в холод. Кутивший длинные черные сигареты «Собрание Блэк» с желтым фильтром, пачка которых лежала на столе в гостиной.

Советский словарь. Если нужно подобрать себе книги в гостиную, кто, черт побери, выберет *Great Soviet encyclopedia*?

Фредрик огляделся. Тут были города, маски и энциклопедия. Но чего не хватало в этом интерьере из каталога Икеи? Не было ни единой фотографии живого человека. Никаких неуклюжих бесформенных глиняных фигурок, вымученных детскими руками. Ни одной потрепанной пробковой дощечки с номером телефона старой подруги. У него никого не было? Ни родителей? Ни жены? Ни бывшей жены? Дети? Хотя бы ящика с носками и трусами?

У него не было спальни?

¹³ Большая советская энциклопедия (англ.)

Глава 23

Должно быть, Микаэлю Морениусу было до боли неприятно сознавать, что зеркало в стиле рококо не подходило к остальному интерьеру. Наверное поэтому он захотел избавиться от него. И поэтому задвинул его к стене в прихожей, так что тень от рамы падала как раз на дверь в подвал, расположенную рядом. Фредрик так погрузился в борьбу с самим собой, что не заметил маленькую дверную ручку. Дверь не была скрыта, но и увидеть ее было непросто, потому что она оказалась оклеена теми же светло-голубыми обоями с узором оленьих рогов, как и стены в прихожей. Над стальной дверной рамой помещался механизм для автоматического закрывания, а петли – толстые, как пальцы лесоруба. Надежная дверь. Если такие двери задраивают, нужна взрывчатка, чтобы открыть их. Но она была не заперта. Когда он открыл ее, в проход перед ним затянуло воздух. Вспотевшая шея тут же остыла, Фредрик с усилием моргнул и сглотнул. И стал прислушиваться и принюхиваться.

Сначала это было похоже на призыв. Как будто шепота, неразборчивого и приглушенного, как только он ступил на верхнюю площадку подвала. Но когда он, согнувшись, приблизился к лестнице, слова стали отчетливее.

Мужской голос не был ни низким, ни высоким, но в нем было что-то наигнанное, чуть ли не оправдывающееся.

– ... Их тут нет. Я же сжег его куртку. Во внутреннем кармане что ли? Я все обыскал. В подвале... Да знаю я, черт возьми, что он хранит все свои вещи здесь. У него есть фотография. Ее... да, да. Понимаю. Возьму с собой. Но, я уже сказал...

Голос замялся. И снова перешел на шепот.

– Что, мать твою, делать со старой поломойкой?

Старая поломойка?

– Ладно, это займет пару часов. Мне надо достать лопату.

Фредрик услышал шаги по паркету. И голос вернулся. Теперь он уже не был оправдывающимся, а просто подытожил.

– Да, мне жаль. Не принимай это на свой счет.

Во Фредрике проснулся полицейский зверь. Подняв пистолет, он помчался вниз по лестнице.

На венском стуле посреди комнаты сидела пожилая женщина. Она была крепко связана, ее руки примотаны к ножкам стула, а кровь, сочившаяся из раны над опухшим глазом, говорила о том, что старушку били. Перед ней стоял высокий и худощавый парень со светлыми жидкими волосами, достающими почти до воротника куртки. В его поднятой руке сверкал длинный острый предмет. Ледоруб. Такими обычно проделывают глубокие дыры в черепах. В таких черепах, как у Микаэля Морениуса.

Парень застыл, увидев, как приближается Фредрик, и издал какой-то лающий звук из полуоткрытой пасти.

– Не это ищешь?

Фредрик и сам не знал, зачем сказал это. Зачем поднял водительское удостоверение перед собой, как трофей, направив оружие в грудь мужчины. Парень сделал несколько неуверенных шагов назад. Его выпученные глаза вперились в глаза Фредрика, и он медленно опустил ледоруб.

Страх ушел. Грудь отпустило, а сердцебиение участилось. Фредрик был заряжен адреналином. Он нашел того, кто убил Микаэля Морениуса. Черт побери. Этот подонок стоял перед ним с орудием убийства. Фредрику приятно было держать пистолет в своей руке.

Спальня была в более грубом стиле, чем остальная квартира. Лампы на потолке размером с глобус давали желтый теплый свет. Комната была большая, больше гостиной, штукатурка

содрана со стен, так что на них остались только темно-красные кирпичи и деревянные балки. На стене прямо перед ним красовалась гигантская фотография женщины. Ее сфотографировали сзади, она смотрела прямо в небо, и только сигаретный дым, который она выпускала изо рта и носа, был виден на черном фоне. Из шкафов вынуты все ящики, одежда, обувь, книги и журналы разбросаны по полу.

– Назад, – рявкнул Фредрик, махнув «Хеклер и Кохом» мужчине, чтобы тот отошел спиной к стене. Глаза с желтизной обрамляли темные круги, а щеки, усыпанные лоснящимися жирными прыщами, пылали. У этого парня тяжелая жизнь. И давно. Ведь он одного возраста с Фредриком, если не старше.

– Выброси эту зубочистку, – сказал Фредрик.

Он почувствовал запах. Запах печени и жареного лука. Запах исходил от парня. Тот выпустил из рук ледоруб, но он не упал на пол, а просто болтался, вися на кожаном ремешке между рукояткой и запястьем.

Фредрик прошел дальше и остановился перед женщиной. Она была маленькой и седой, одета в униформу со словами «вредители» и «уборка» на плечах. Ее рот был заклеен куском плотного скотча.

– Не бойтесь.

Она кивнула, бегая глазами между Фредриком и преступником. Растерянные, полные страха глаза. У ее ног лежали коробки с чистящими средствами. Фредрик огляделся вокруг. Вдоль одной из стен стоял письменный офисный стол. На нем рядом с компьютером он увидел ножницы.

Подойдя к письменному столу он застыл. На его поверхности лежали две фотографии. Два портрета. Один из них он тут же узнал. Помятое школьное фото бледной серьезной девочки. На второй запечатлен мужчина. Лысый. Глаза маленькие и колючие. Что-то знакомое было в нем. Что-то, вызывающее неприязнь.

Он вернулся к женщине и развязал ее.

– Вот мой телефон. – Фредрик пошарил в кармане. – Звоните в полицию.

Она потерла запястья и сорвала скотч со рта. Но вместо того чтобы взять его телефон, она наклонилась и подняла очки, лежавшие на полу, и водрузила тонкую оправу на нос.

– Кто вы? – спросила она, наклонившись за одной из бутылок со спреем. Ее голос был необычайно глубоким. Необыкновенно низким для старой женщины.

Что она собирается делать? Продолжить уборку? Так иногда срабатывает мозг. Шок просто-напросто слишком сильный.

– Я полицейский, – ответил Фредрик. – Возьмите, – продолжил он и помахал телефоном. – Набирайте 112.

– Получай вот это, – вдруг сказала женщина.

И направила баллончик со спреем прямо ему в лицо.

– Какого черта!

Струя попала ему прямо в глаза. В нос и рот. Удушающие, токсичные пары. Ослепленный, Фредрик размахивал пистолетом, пытаясь моргать, чувствуя, как подступают слезы. И они накатили на него. Волна блуждающих теней, тошнота и хаос. Пол закачался, в висках застучало. Содержимое желудка вырвалось наружу, а тело сочилось потом. Фредрик потерял равновесие, или это ноги подкосились? Раздался звук удара о паркет, когда колени коснулись пола, а позвоночник сжался. Он упал на бок. Он был не в силах амортизировать падение, только уловил, что оружие выскользнуло из рук, и он хватается за воздух.

– А ты...

Опять этот голос. Фредрик бешено тер лицо. Он увидел ее. Женщина стояла к нему спиной. Обеими руками она держала пистолет Фредрика, направляя его в грудь преступника.

– Получишь вот это.

У Фредрика все же еще были силы. Дрожащими ногами он оттолкнулся и накиннулся на нее. И когда он почувствовал холод стали оружия в ладони, старуха выругалась, упала, и он тоже упал.

Фредрик слышал звук тяжелых убегающих шагов по паркету.

Бетонный потолок переходил от розового к желтому и оранжевому. Выходил из узора. Боком и вверх. Красный. Коричневый. И потом он обрушился. Фредрик не мог дышать. Его снова засосало в черноту.

Лето. Фредрик был босиком, и скошенная лужайка колола ступни. Трава тут почти не росла. Солнце ведь никогда не показывалось. Не здесь, под длинными руками ивы. Он хотел вырезать имя в коре, имя Кафы, но ничего не получалось, потому что когда он пытался, у него срывало ногти. Пахло землей, кровью и жареным луком.

Глава 24

Май 1991 года, Хольменколлен, Осло

Бриз с Осло-фьорда привел в движение крону сосны над их головами. Аксель Тране поднял голову и зажмурился, чтобы удалить пот и гель для волос, скопившиеся в уголке глаза. Далеко в низине майское солнце искрилось на новом красивом столичном отеле-небоскребе «Плаза». Пахло женской плотью и смолой. Небо над ними было акварельно-голубым, прямо как юбка, которую она задрала, оголив пышный зад. Агнес сгорала от нетерпения.

Это она предложила. Взять и выскользнуть из часовни, как только закончится венчание. Никто не заметит, что их нет. И полная двадцатидвухлетняя девушка в юбке и короткой черной куртке засеменила по Хольменколлвейен, а он немного неуклюже шагал следом. Ведь Аксель вообще-то не каждый день надевал парадную форму Военно-морских сил. Они пошли по тропинке к просвету между деревьев.

Не то чтобы он не хотел этого. Но форменные штаны жали во всех местах, а острая молния врезалась в ту часть паха, название которой он даже не знал, и он в глубине души надеялся, что не посадит на кителе пятен. Он же как-никак свидетель.

– Аксель, сосредоточься.

Он так сильно вошел в нее, что фотоаппарат, висевший у нее на шее, вонзился ему в живот. Она засмеялась.

– Господи, парень. В этом ты очень плох.

Она что, бессердечная? Пообещала ему не курить. По крайней мере перед праздником и рядом с его коллегами. И все же было что-то в ее смехе, что-то ненатуральное, и это заставило его подумать, что слово она не сдержала.

Он ускорился, хотел поскорее покончить с этим. Плоской ладонью шлепнул ее по ягодице. Не из своего удовольствия, это нравилось ей. Еще раз шлепнул. Занес руку вновь, но тут же опустил ее. Почувствовал что-то неладное. Как будто они не одни.

Эта способность сделала из Акселя Тране хорошего солдата. Предчувствие, побуждавшее его на охоте приставлять винтовку к плечу за полсекунды до того, как лось покажется в поле зрения. Чувство, заставившее его сделать маленький шагок назад, на десятую долю секунды прежде, чем на него выскочил пьяный житель Харстада в надежде заполучить скальп морского егеря.

Кто-то смотрел на них. Аксель почувствовал взгляд.

– Черт подери. Чем это ты занимаешься? А ну пошел отсюда! Гадкий мальчишка!

Наблюдателем оказался сын священника. Тринадцатилетний отпрыск с зачесом как у Пера Гессле¹⁴, с тоненькими пальцами, помогавший украшать цветами зал к венчанию. Он усмехнулся, выпучив глаза, и исчез до того, как Аксель успел убрать свой липкий член в штаны.

Агнес, поднимаясь, не хотела вставать на колени, чтобы не запачкать платье, но рассмеялась и упала вперед.

– Черт, жаль я не сфотографировала твою рожу.

– Покоритель женских вагин Эгон и прекрасная Сюзанна. Как думаешь, сколько *это* у них продлится?

Иногда ему было так стыдно за нее. Агнес прекрасно знала, что это причиняет ему боль. Зачем же ей нужно быть такой вульгарной? Молодожены стояли перед кривой пристройкой с

¹⁴ Шведский поп-певец.

задней стороны часовни Хольменколлен. Здание церкви, выкрашенное в цвет дегтя, почерпнутый от традиционных норвежских деревянных церквей, стояло на вершине холма над столицей.

Аксель посмотрел на своего лучшего друга. Эгон Борг был почти на голову выше него. Эгон попытался смочить и уложить волосы, но непослушные пряди упорно продолжали торчать из-под форменной фуражки. В то время как Аксель чувствовал себя некомфортно и тосковал по тренировочному костюму морского егеря, Эгон выглядел подтянутым и казался привычным в своей темно-синей форме. Он осторожно погладил свою невесту в белоснежном платье по спине руками в сияющих перчатках, затем положил ладони Сюзанне на живот. Он был еще таким маленьким, что нужно было знать о нем, чтобы заметить.

– Наконец-то, – сказала Агнес. – Теперь фотографии получатся хорошие.

Аксель повернулся. Одинокая бело-серая тучка плыла перед солнцем, погружая в тень «Плазу», где Эгон и Сюзанна собирались провести первую брачную ночь. Как странно, подумал Аксель. Метеорологи обещали грозу. А все, что мы получили – это одинокий маленький клочок тучи. Он поднял руку. Хотел увидеть голубое небо, но не получилось. Облако зависло под ладонью.

Глава 25

Март 1992 года, Рамсунн

Аксель двигался на снегоступах быстро и почти неслышно. Следы, по которым он шел, были свежими. Снег, разметававшийся при беге, еще лежал, словно опилки на срезе. Аксель поднял голову в поисках движения. Березовый лес вокруг был низкорослым и разрозненным, а прямо перед ним возвышалась гора Рамнефьелле. Не крутая, какая природа как правило создавала в северной части страны, необычная. Там можно чувствовать себя уверенно.

Впереди виднелась узкая гравийная дорожка, ведущая вниз, к пристани в Брейдвика. Она была покрыта льдом, и здесь можно легко потерять след. Поэтому Эгон сдвинулся чуть на восток, чтобы продолжить преследование вдоль крутых склонов. Если они изменят высоту своего положения, то смогут ее пристрелить.

Прошло уже почти десять месяцев, и Эгон наконец начал внимать словам врачей.

Так случилось, что гроза все же *пришла* в ночь после свадьбы. А вместе с ней и страшный ливень. Поэтому когда Эгон и Сюзанна ехали по крутым виражам из Хольменколлена, машина заскользила, съехала с дороги и покатила вниз по склону. Эгон получил всего пару царапин. Сюзанна – обширные травмы головы и груди. В «Скорой» у нее случился выкидыш.

Сюзанны больше не было. Повреждения оказались слишком тяжелые. Когда она наконец очнется, если вообще когда-нибудь очнется, она не будет прежней. Может быть, она вообще уже никем не будет.

На похоронах были только Эгон, Аксель, священник и зародыш в гробу. Все это время упакованное в пластик тельце лежало в холодильной комнате. Эгон настаивал, чтобы они подождали, пока придет в сознание Сюзанна. Но ее состояние не изменялось, и наконец Эгон сдался.

У гравийной дорожки Аксель остановился, чтобы посмотреть, где его товарищ. Вероятно, тот вытоптал себе яму в снегу и укрылся своей белоснежной накидкой с пуговицами так, что торчал только ствол «Консберг Маузера М/67». Аксель не увидел его. Но это вовсе не означало, что его здесь нет.

Так вот почему у него было такое странное чувство? Неприятное ощущение, что кто-то смотрит на него. Оно сидело в нем с того момента, как он напал на след хромого оленя около покрытого льдом болота у мыса.

Он посмотрел в сторону пролива Рамсунне. Здесь прыгали в воду голыми морские егеря, пробегали перед тем босиком по грохочущему стальному трапу, возвращаясь с утренней тренировки. И летом, и зимой. Им было чертовски холодно, но лежать в акваланге в тесном торпедном аппарате на подводной лодке было еще холоднее.

На другой стороне пролива находился остров Тьельдея. И именно туда, на верхнюю часть склона горы, где проходила областная дорога, был устремлен взгляд Акселя. Он заметил какой-то проблеск.словно сверкнул бинокль. Но ничего больше он не разглядел.

Он снова нашел след у замерзшего русла ручья. Задняя нога оставила нечеткое углубление. Видимо, самка северного оленя решила не перегружать копыто. Она шла по направлению к горному склону перед ним.

Со стороны гор задул сильный ветер. Началась метель, и Аксель нагнулся, чтобы расслабить ремни на снегоступах. Распрямившись, он увидел ее. Самка стояла, наверное, в метрах семидесяти от него, на узком плато, чуть выше по уровню.

Медленно, не отводя взгляда от оленя, он плечом заставил ремень винтовки соскользнуть. Рассмотрел животное через прицел. Морозный пар выдавал частое дыхание Акселя. Он восстановил его до нужного темпа. Но отсюда стрелять он не мог, самка стояла неудобно, он мог лишь любоваться ей. Крупная, почти как самец, что говорило о том, что в этом году она не телилась. Белая как снег. Аксель, хорошо зная эту местность – это было тренировочное поле морских егерей, – решил сдвинуться еще немного в сторону, чтобы потом пойти вдоль ручья над расщелиной. В ущелье он особо ничего не увидит и не услышит; слишком там тесно и глубоко, но оно приведет его к горке, оттуда он будет видеть животное сверху.

Перед тем, как подняться на горку, он снял ветряные варежки и вставил указательный палец в шерстяную. Вытер пот шапкой и прополз последние метры. И вот он на месте. Рука скользнула на курок. Он посмотрел в прицел. Прицелился. Но...

Там внизу, на плато, в тридцати метрах от него, лежала бездыханная самка. В момент смерти она, должно быть, бросилась вперед, потому что узкая полоса крови на снегу очертила идеальный полукруг вокруг упавшего на колени тела. И эта темно-красная черта смерти заканчивалась дырой в груди размером с грецкий орех. Кровопотеря была небольшая. Пуля попала прямо в сердце, так что мышца моментально перестала биться.

Он взял рацию.

– Эгон? Какого черта ты там творишь?

– В смысле?

– Самка? Где ты вообще? Ты знал, что я тоже тут, когда стрелял?

– Стрелял?

Глава 26

– Получай вот это.

Слова уборщицы эхом отдавались у него в голове.

Голос. Кто-то говорил с ним, пока он, сидя под вешалкой, отчаянно страдал от боли в пальцах, ногти на которых сам себе вырвал... Твою мать. Ногти.

Сонная пелена спала. Фредрик подтянул колени к груди, разлепил глаза и посмотрел на кончики своих пальцев. Целы. Неповрежденные, обычные обгрызенные ногти. Ему все приснилось. Приснилось ли? Скорее, это галлюцинации. Что он такое принял? И куда подевалась тетка, одурманившая его?

Едкий запах чистящих средств стоял в носу, в глотке и выделялся через кожу. Моча пахла химикалиями, пах и ляжки были липкие и холодные, а паркет скользкий.

Фредрик поставил локти на пол и перекатился на бок. Его дыхание было хриплым. Хотелось пить. Так сильно хотелось пить.

Фредрик встал на четвереньки. В глазах вспыхивали звездочки, взрывались и исчезали. Он наполнил легкие, уперся головой в паркет и резко выдохнул. Ощущения были непохожи на головную боль, скорее на нескончаемую череду уколов куда-то за лобную кость. Он подождал, пока ритм сердца успокоится. И тогда наконец решился поднять голову. Он стоял на четвереньках, как только что проснувшаяся собака.

В комнате тоже воняло. Аммиаком, лимонной кислотой и еще какой-то химической субстанцией, которую он не мог определить. Постельное белье кто-то убрал. Книги и журналы тоже. Фредрик подполз к письменному столу. Опираясь о него трясущимися руками, поднялся.

Фотографии. Их не было. Снимки девочки и лысого пожилого мужчины. С узкими глазками, смотрящими исподлобья. У Фредрика до сих пор перед глазами стояло его лицо. Это тот мужчина, которого описывала вдова из квартиры сверху? Откуда взялось это мерзкое ощущение, неужели только от мысли об этой фотографии?

Где-то в самых глубинах сознания Фредрика сидели эти воспоминания. Но когда он попробовал их раскопать, они исчезли. В голове будто образовалось слепое пятно. Он *знал*, кто этот мужчина. Просто не мог вспомнить.

Давление в черепной коробке ослабло. Фредрик похлопал себя по мокрым от мочи штанам. По карманам на куртке. Телефона не было. Ключей от машины тоже.

Его шатало, пришлось держаться за перила лестницы. Когда он наконец навалился на стальную дверь наверху лестницы, ему навстречу рванул свежий ветер и дневной свет. За окном на кухне он увидел, как на заднем дворе дети лепили снежки из мокрого снега. Снег? Сколько он вообще тут пролежал? Какая-то женщина закричала на детей, он почувствовал вибрацию от трамвая, прогромыхавшего мимо по Драмменвейен. Обычные будни.

Здесь стоял такой же резкий запах чистящих средств. На журнальном столике в гостиной лежали его вещи. Даже пистолет. Только прав не было.

Девять пропущенных от Беттины. Немногим меньше от Кафы и Андреаса. Фредрик перезвонил товарищу.

– Черт, Фредрик! Где ты?

– На Габельсгате. Я нашел квартиру Морениуса. – От скрипучего голоса в глотке все загло.

– Почему ты не отвечаешь на звонки? Тебя уже половина участка ищет!

– Долго меня не было?

Оказалось, почти сутки.

Глава 27

– Помните театр на Дубровке?

Полицейский врач, сложив кончики пальцев рук друг с другом, вытянула длинные стройные ноги в нейлоновых чулках, так что они торчали с противоположной стороны письменного стола, за которым сидел Фредрик. Чулки были блестящего черного цвета, и сквозь ткань просвечивали ногти на ногах, покрытые красным лаком.

Всего в четырех километрах от сердца России, Кремля и Красной площади, находится театр на Дубровке. 23 октября 2002 года актеры готовились ко второму акту вечернего представления, мюзикла *«Норд-Ост»*. Они уже досконально его знали. Постановка номер триста три.

Этот мюзикл – самая дорогостоящая постановка из всех, когда-либо проходивших на российской сцене. Это история любви и история героя, протянувшаяся от русских экспедиций в Арктику и до Великой отечественной войны.

Зрители заняли свои места, наступила темнота, и танец едва успел начаться, когда мужчина в камуфляже поднялся на сцену. Люди в зале подумали, что это часть представления. Но актеры поняли, что-то не так. В четверть десятого сорок чеченских террористов, вооруженных взрывчаткой и автоматами, взяли восемьсот пятьдесят зрителей, актеров и музыкантов в заложники.

Шестьдесят часов спустя силы спецназа начали штурм. В помещение пустили усыпляющий газ. Тех террористов, которые не погибли от химикалий, убивали на месте. От отравления умерли сто тридцать три пленника.

– Русские так и не сообщили, какой газ они применили. Но он был очень быстродействующим и почти без запаха. Предполагают, что это была какая-то форма модифицированного наркотического газа.

Врач изучающе посмотрела на Фредрика.

– Посмотрим, что покажут анализы крови и мочи, но судя по тому, что вы описываете, вероятно, что вы подверглись чему-то подобному. Десфлюран. Севофлюран, может быть.

Эти названия ни о чем ему не говорили, и она конечно знала это. Фредрик раздраженно покачал головой.

– Но... такие средства... их ведь нельзя просто купить в аптеке?

– Нет, – ответила она. – Женщина, которая отравила вас газом, знала, что делает. Как и в Москве знали, что риск значительный.

Приемная перед кабинетом полицейского врача была пустой, и Фредрик тяжело опустился на неудобный диван. Запрокинув голову, посмотрел в потолок. Одна из люминесцентных ламп мигала.

Уже сутки прошли с тех пор, как Фредрик проснулся в подвале, но он все еще был как в тумане. Больше всего сейчас хотелось пойти в какую-нибудь переговорную, накрыться там курткой и вставить в уши наушники с Джеффом Бакли. Он не видел никаких перспектив. Ни в расследовании, ни в жизни. Ни с Беттиной.

Он пришел в ярость, когда она предложила ему пойти на больничный. А она взяла бы несколько выходных. И они могли бы вместе ходить на прогулки. Посмотреть фильм. Сделать что-нибудь приятное. Почему эта забота так страшно его раздражала? Почему малейшее ее прикосновение к его руке обжигало, как оскорбление? Почему ему так сильно нравилось ужимать ее в постели? Как правило, от таких мыслей он четко ощущал присутствие своей матери. Она умерла больше года назад, ее мозг был настолько изуродован алысгеймером, что на нее было больно смотреть и тяжело навещать. Он ни одной секунды не скучал по ней. Но холод,

которым его обдавало при мысли о Беттине, был таким же, какой он иногда испытывал, когда на него смотрела мать.

Будут ли его дети ощущать то же самое при мысли о нем? И если будут, имеет ли это какое-нибудь значение? Мать не оставила Фредрику никаких воспоминаний о себе после смерти. И он благодарен ей за это.

– Привет! Вот ты где сидишь.

Кафа осторожно закрыла дверь в кабинет медсестры и остановилась у стола с газетами. Сложив руки на груди, она посмотрела на Фредрика, перебирая пальцами белую ткань блузки.

– Оклемался?

Фредрик наклонил голову вперед и посмотрел на нее.

– Никаких серьезных увечий. И в этот раз тоже, – сказал он, но никто из них не засмеялся.

– Что ты тут делаешь?

Вместо ответа она достала из сумки папку с документами.

– Отчеты судмедэкспертов с Бюгдей готовы. Я знаю, кто тот мертвец на лестнице.

Глава 28

– Ну что, Икбаль... есть еще трупы? Или тайные подвалы, которые мы проглядели?

Тон Себастиана Косса был нарочито шутливым и вызвал тихое бление среди следователей. Фредрик почувствовал, как в нем все вспыхнуло, а Кафа только рассмеялась. Сухо и наигранно.

– Анализ ДНК показал, что труп на лестнице принадлежит Акселю Тране, – сказала она. – Сыну Герды Тране. Тому самому, который, по утверждению Вооруженных сил, погиб в результате несчастного случая в 1992. И как теперь оказалось, они не могут разыскать отчет о том происшествии. И могилы мы тоже не нашли.

Полицейские окружили овальный стол посреди опенспейса в здании полиции Осло.

– Значит, Аксель Тране был жив вплоть до прошлого месяца, – продолжила она. – Причина смерти – сильный удар затылком о ступеньку на вилле его матери на Бюгдей. – Кафа смотрела в бумаги перед собой. – Тело весило сто сорок три килограмма.

Фредрик уже прочитал отчет. И знал, что будет еще кое-что.

– Что касается трупов, закопанных в саду... – Кафа быстрым взглядом обвела сидевших за столом, – ...оба – женщины. И как мы и предполагали, один из них – труп Герды Тране, матери Акселя.

Стол, за которым они собрались, был такой конструкции, что его можно было опустить и поднять с помощью маленькой защелки под крышкой. Косс тщательно следил за тем, чтобы ножки стола были выдвинуты на максимальную высоту и всякий, кто был ростом ниже взрослого мужчины, становился просто крошечным в этой компании. Это одно из злорадных развлечений инспектора. Поэтому Кафа сидела на вращающемся табурете, подходящем к такой ситуации. Во время разговора она даже наклонялась вперед.

– Патологоанатом Хайссманн предполагает, что Герда Тране пролежала в земле около десяти лет. О причине смерти он пока говорить не решается.

– Аксель Тране, – задумчиво произнес Косс. – Когда умерла Герда, он закопал в саду собственную мать и жил, продолжая получать ее пенсию, отвечать на запросы из официальных органов, ухаживать за домом...

– ...подписываться на газеты, платить счета за электричество и страховку, – закончила за него Кафа. – Так мы склонны полагать. На встречах с банком и службами он имел полномочия и справку от врача, что мать больна. Справка – подделка.

– Вот же чокнутый подонок, – сказал Косс. – А вторая женщина?

Кафа взяла один из документов из папки. Изящным движением она передала его через стол и дала время Коссу прочитать.

– Неизвестная. От двадцати пяти до тридцати пяти. Почва вокруг тел различается, и анализы скелета показали, что она пролежала в земле на год или два меньше, чем госпожа Тране. Ей не хватало передних зубов и одного клыка на верхней челюсти. Патологоанатом нашел следы переломов на голове и верхней части тела.

Косс резко посмотрел на Кафу.

– Так ее убили?

– Мы не можем этого утверждать. Травмы получены до наступления смерти. Но она страдала авитаминозом. Не серьезно, но есть явные признаки, что она не получала достаточного питания.

Косс сделал знак, что не понимает, и Кафа продолжила.

– Расстройства питания – не редкое явление у женщин в этом возрасте. Но... – Она еще сильнее перегнулась через стол, и между брюками и свитером показалась полоска кожи, – есть и другое, более мрачное объяснение. Что, если она – жертва преступной деятельности? То есть

длящихся на протяжении продолжительного времени преступных деяний. Годами. Физическое насилие. Нехватка еды. Принуждение?

– Ты имеешь в виду, что ее держали в плену? – спросил Косс.

Кафа помассировала виски. Потерла свою красивую смуглую кожу на щеках и прижала кончики пальцев к губам.

– По отчету причина смерти неизвестна. Но в погребке на Бюгдей... в том, который мы не могли найти... – сказала она, поджав губы, – как известно, был обнаружен стальной сундук. А в сундуке лежал холщовый мешок с одеждой и какими-то игрушками.

К отчету Кафы была приложена фотография. Светлые волосы. Широкое бледное лицо. Серьезное выражение.

– Если у Аксея Тране имелся мешок с одеждой девочки. С ее игрушками. Может быть, он и девочку тоже держал там? Долго? До самого ее взросления?

У инспектора отвисла челюсть, и только когда он заметил, что все удивленно смотрят на него, он закрыл рот.

– Ты думаешь, что вторым женским трупом была девочка из России с этой фотографии? – проговорил он медленно.

Глава 29

Когда встреча закончилась, Кафа задержала Фредрика. Они стояли рядом у большого стола. За окном падали снежные хлопья. На улице чуть ниже нуля, и хлопья были такие тяжелые, что они не танцевали, как обычно делают снежинки. Они падали как мокрые бомбочки.

Кафа положила свою руку рядом с рукой Фредрика. Его рука большая и волосатая. Ее – худая, с тонкими пальцами.

– Есть что-то, что я должна знать? – спросила она.

– В смысле?

– Косс ходит и расспрашивает по отделу. Выясняет, почему ты так долго был на больничном. Он что, не знает? Он же твой начальник.

Кафа смотрела на Фредрика. Выставив вперед округлый подбородок, она ждала, когда он расскажет ей. Она считала, что вполне заслужила это. Шелковый шарф туго обхватывал шею, а блузка застегнута до верха. От нее пахло травой и лимоном. Фредрик убрал свою руку со стола.

– Это не его собачье дело.

На короткое мгновение между ними воцарилась тишина. Затем она тихо выдохнула через нос.

– Ну, значит, так и скажем.

Она вздохнула, открыла папку и стала раскладывать фотографии по столу, когда к ним подошел Андреас.

Он казался возбужденным, но сохранял молчание. Только снял очки с седокудрой головы и, опустив их на нос, стал изучать кадры на фото.

Фото отпечатали с негативов, которые они нашли в погребе. На них стояла пометка – «Свадьба Эгона и Сюзанны». Все фото были практически одинаковые и запечатлели новобрачных на фоне черной стены из бревен. Фредрик поднял ближайший к нему снимок.

Невеста, Сюзанна, была одета в узкое платье с кружевами на груди, шее и вдоль оборки на юбке. Светлые волосы подняты над ушами и покрыты лаком до самых кончиков, нынешние парикмахеры назвали бы такую прическу неуместной. Лицо продолговатое, острый гордо поднятый подбородок. Она выглядела счастливой. И красивой. На фото рассеянный свет, и ее тонкий нос и маленькая грудь отбрасывали легкую тень. Рука, которую она положила на живот, заключена в руку мужа, Эгона. Он стоял за ней, в белых перчатках, темно-синей парадной форме и форменной фуражке морских егерей. С прямой спиной и гордой осанкой, на полголовы выше Сюзанны. Большие глаза блеснули на худом лице с высокими скулами. Обоим было чуть за двадцать.

– Ну и ну. Сама невинность. Должно быть, все закончилось кровью на простыне, – сказал Андреас, посмотрев прямо на Кафу.

Она застонала.

– Это часовня в Хольменколлене. Та ее часть, которая выходит на фьорд и город. – По ее тону было слышно, что она поддалась на провокацию. – Эгон и Сюзанна Борг поженились там в мае 1991-го. Борг работает специальным советником в Министерстве обороны. Я вызвала его на допрос. По Сюзанне я пока ничего не нашла.

Фредрик одобряюще кивнул.

– Хорошая работа.

Кафа смущенно улыбнулась.

– Посмотрите сюда, – сказала она и взяла одну из свадебных фотографий. Это был единственный снимок, где ей удалось разглядеть других людей на заднем плане. Кафа, указав на одного из них, протянула фото Фредрику. Андреас тоже склонился над снимком.

– Представьте себе, это Аксель Тране. На двадцать пять лет моложе и на много килограммов меньше весом.

Фредрик прищурился. Светловолосый, стройный и натренированный парень. И тоже в форме морских егерей.

– Может быть, – сказал он.

– Может быть.

Андреас отодвинул в сторону близлежащие фотографии, вытащил из кармана куртки диктофон и положил его на стол.

– Пока вы сверкали перьями перед Коссом, я немного покопался в прошлом этого Морениуса, – начал он, ожидая реакции Кафы. – Преимущество жизни в социально-демократическом государстве в том, что оно о тебе заботится, правда ведь? – У Андреаса в глазах сверкнула странная вспышка. – Ты ведь из другой культуры и знаешь это, да?

– Я из района Сагене в Осло, – ответила Кафа.

– Да, да. Конечно. Прости. Я хотел сказать, твои родители. Ты-то полностью норвежка.

– Андреас... – Фредрик застучал пальцами по столу.

– Извини. Я думал, она поймет шутку. Я хочу сказать, что протезы оплачивает государство, *comprende*¹⁵? Вне зависимости от того, какую глупость ты сделал. Ты можешь лечь под поезд. Если выживешь, счет оплатит государство.

– И?

– Я подумал, значит, кто-то же должен был заплатить за протез Микаэля Морениуса? Поэтому позвонил нашему другу протезисту.

Андреас положил визитку протезиста на диктофон.

– И он сказал, что заплатило районное отделение социального обеспечения. Я поговорил с ними, ведь даже в нашем Социостане деньги не дают людям без поручителя или каких-нибудь медицинских свидетельств. Кроме иностранцев, конечно, – сказал он, подмигнув Кафе. Она вновь застонала.

– И хоп... – Андреас щелкнул пальцем по стеклу очков... – ... номер телефона. Правда, анонимный, нигде не зарегистрированный, но *это* номер телефона поручителя Микаэля Морениуса. Его работодатель.

Андреас повертел визитку и ухмыльнулся. Затем взял диктофон двумя пальцами и покрутил его вокруг своей оси.

– Хотите послушать?

– Давай уже, Шерлок.

Андреас включил запись.

Гудки.

– Да?

Мрачный женский голос. Настороженный.

– Меня зовут Андреас Фигерас. Я звоню из полицейского участка в Осло. У меня есть вопрос касательно одного из ваших сотрудников, Микаэля Морениуса.

– Извините. Видимо, это какое-то недоразумение. Вы ошиблись номером.

И разговор оборвался.

Андреас тихо присвистнул.

– Когда я попробовал перезвонить, меня сразу соединили с автоответчиком. Ошиблись номером? Да ни хрена подобного.

Фредрик отклонился назад. Он отошел на пару шагов от стола и, хромя, приблизился к жалюзи на окне. Пальцами потер пластиковый материал и посмотрел на белую от снега горку на улице.

¹⁵ Понимаешь? (исп.)

– Этот голос, – сказал он. – Это голос женщины, отравившей меня.

Глава 30

Большие белые лампы тускло освещали фотостудию.

– Как ты думаешь, что здесь изображено? – спросила женщина в инвалидной коляске.

Лин неуверенно посмотрела на картину, прислоненную к каменной стене песочного цвета. Ширина шелкографического оттиска была больше ее роста, и он напомнил ей об апельсинах. Красных апельсинов, которые мама приносила с рынка. Цвета вечернего солнца над городком, где был ее дом. Но она не осмелилась сказать это.

Женщина взяла скальпель с лайтбокса. Ладони Лин вспотели, и украшение, которое ей подарил Каин, скользнуло между пальцев.

– Не знаю, – ответила она, запинаясь.

– Нет. Конечно же, не знаешь. Глухая маленькая девочка. Но как ты думаешь, на что это похоже?

– На... листья, может быть? Такими они становятся осенью, когда начинают желтеть, но еще до того, как покоричневеют.

Женщина в инвалидной коляске окинула Лин изучающим взглядом.

– Повесим ее в гостиной, – сказала она, положив скальпель на колени, и подкатилась к стене с зеркалами. Сняла полароид с крючка и повесила себе на шею. – Она ничего не изображает, – продолжала она, сплетя пальцы рук в замок. – Понимаешь?

И сжала пальцы так, что побелели костяшки.

– Картина не изображает ничего, кроме того, что ты хочешь на ней увидеть. Прямо как и ты. Ты будешь такой, какой я хочу, чтобы ты стала.

Будто сухие листья падают на заиндевевшие поля. Такой звук бывает, когда осень смеется. Лин вздрогнула и посмотрела на женщину перед собой. Та громко смеялась, откинувшись назад, и груди вздымались под белым халатом. Женщина указала на Лин скальпелем.

– Да посмотри же на себя, черт возьми.

Лин повернула голову к зеркалу на стене. Темные волосы распущены. На груди покачивалось украшение, его рубиново-красный цвет совпадал с цветом корсета, который эта женщина заставила ее надеть. Соски торчали из неаккуратно вырезанных дырок в лифчике, а кожаные ремни резинового пениса сильно врезались в ее пах и бедра.

Женщина положила скальпель и подняла камеру.

Улыбайся, подумала Лин. Скоро все кончится.

Камера щелкнула. Дважды. И зажужжала, выплевывая фотографии.

Улыбайся.

– Это подарок? От поклонника?

Женщина опустила камеру и указала на украшение.

– От Каина?

Ее голос как будто бы был теплым, но Лин все равно задрожала.

– Расслабься. Разве не видишь, что я богата?

Толстуха махнула рукой в сторону кожаного дивана в углу, на картины, висевшие над мебелью, на эстамп, изображавший, возможно, красные апельсины, и подкатилась вплотную к Лин. С тихим визгом, похожим на эхо от женского крика, резиновые колеса скользнули по блестящему полированному полу.

– Я не собираюсь его отбирать.

Ее голос посерьезнел. Она засунула одну из полароидных фотографий за кожаный ремешок в паху Лин.

– Это – для Каина, – пробормотала она. – Ты должна сыграть роль. Как будто ты мужчина. Ты же раньше наверняка видела много мужчин с твердыми членами. Вот и води себя так, словно ты один из них.

И она отложила камеру в сторону. Снова взяла скальпель и улыбнулась.

– Можешь мне доверять. Я врач.

Глава 31

Дул пронизывающий ледяной ветер, когда Фредрик и Кафа вышли на улицу из квартиры Микаэля Морениуса. Вместо того, чтобы поднять воротник и прижать подбородок к груди, Фредрик поднял глаза вверх. Как и его мысли, облака хаотично плыли по небу. И он не мог ни на чем сконцентрировать внимание.

Их встретила Тересе Грефтинг, и, как судмедэксперт, подтвердила то, что Фредрик уже знал. Квартира Морениуса была вычищена. Пол, стены, даже унитаз и слив в душе, все было отдраено и отмыто. Фотографии, книги, постельное белье и одежда исчезли, а то немногое, что осталось, как, например, журнальный столик и комод, было вычищено до блеска с химикатами и обезжиривающими средствами. Квартиру вполне можно использовать в качестве операционной.

Единственный, чьи следы они нашли, был сам Фредрик. Его вырвало, он обмочился, обливался потом и харкал слизью, и мысль о том, что теперь об этом знает половина участка, не прибавляла ему радости.

Кафа говорила по телефону большую часть времени, пока они были в квартире. В каком-то смысле это даже разозлило Фредрика. Ведь здесь на него напали. Она могла хотя бы притвориться, что ей интересно.

Может быть, она заметила его недовольство.

– Мы еще раз обошли соседей на Бюгдей, – сказала она. – Если эту неопознанную женщину из могилы действительно держали в плену, должен же быть кто-то, кто *что-нибудь* видел. По ее сжатым губам было понятно, что не объявилось ни одного свидетеля.

– Может быть, ее держали в плену в другом месте?

– Или это просто ложный след, – предположил Фредрик. – Мы *не знаем*, что ее держали в плену. Мы даже не знаем, та ли это девочка с фотографии. Это только предположение.

Кафа не ответила, а только передернулась от холода и пошла к машине. Он последовал за ней. На перекрестке с улицей Драмменсвейен Фредрик обернулся, чтобы в последний раз посмотреть на дом, в котором жил Микаэль Морениус. И тут же почувствовал, как его обдало холодом. Фредрик застыл в оцепенении.

– Кафа... – тихо сказал он. Она не услышала, и он дотронулся до нее. – Кафа. Видишь тот грузовик напротив улицы, на которой находится дом?

– Вижу.

– Запиши номера, – велел он.

Черный фургон с грязными окнами.

– Эта машина стояла здесь в тот день, когда я приходил в квартиру Морениуса. Только тогда она была припаркована перед входом.

Фредрик устремился напрямую к грузовику, и тот закачался.

– Там кто-то есть, – прокричал он. – Они нас увидели!

Фредрик едва уловил свое отражение в заднем стекле, когда промчался мимо него. Мотор с ревом завелся в тот же момент, как он схватился за ручку двери со стороны водительского сиденья. Грузовик дернулся вперед и врезался в машину, электрическую легковушку, и ее наполовину выбило на улицу. Дверь была заперта, и Фредрик, ударив в стекло, услышал визг коробки передач, когда водитель включил заднюю.

Фредрик, опершись локтем, ударил еще раз, на этот раз сильнее, и стекло поддалось. Он отвернулся, защищая лицо от осколков.

– Берегись! – крикнула Кафа.

Мощным ударом дверь машины шибанула ему по плечу, и Фредрик рухнул на тротуар. Боль побежала вниз по руке. Водитель захлопнул дверь, двигатель взревел на больших оборо-

тах, и, прежде чем Фредрик успел подняться на ноги, машина с болтающейся дверью рванула с места. Фургон на скорости помчался вниз по улице.

– Твою же мать, – заикаясь, проговорил Фредрик и посмотрел в глаза Кафе. В электро-мобиле пищали подушки безопасности. – Ты видела, кто был за рулем?

– Фредрик! Ты ранен?

– Ты видела, кто за рулем? Запомнила номера?

Кафа обозленно взглянула на Фредрика.

– Да. Я посмотрела ему прямо в глаза. Это тот подонок, сбивший меня с ног. И он был не один. На пассажирском сиденье сидела пожилая женщина с огромной камерой в руках. Та же, что помогла мне встать тогда.

Кафа, задумавшись, стояла молча, пока Фредрик объявлял машину в розыск, сообщая информацию дежурным в полиции. Патруль приехал уже через пару минут. Кафа с Фредриком рассказали о случившемся и поспешили к машине.

– Отвлекающий маневр, – хмуро сказала Кафа, опустившись на пассажирское сиденье.

– О чем ты?

– Я никак не могла понять, как этот бегун умудрился забрать у меня папку по Морениусу. Так он этого и не делал. Та женщина протянула мне сумку после того, как помогла встать. Воровка – она. Эта наглая ... старая дрянь.

Фредрик хмыкнул.

– Седые волосы, очки и низкий голос?

– Да.

– Та же, что напала на меня в подвале Морениуса.

У Кафы запищал телефон. Пока она разговаривала, ее глаза сужались от злости. Положив трубку, она подняла взгляд на Фредрика.

– Под этим номером не зарегистрирован ни один фургон. И ни одно другое транспортное средство.

Они поехали. Фредрик смотрел в лобовое стекло. На улице он различал только очертания людей в зимней одежде, освещаемые заблаговременно повешенными рождественскими гирляндами в магазинах вдоль аллеи Бюгдей. Поднятые воротники, шарфы и шапки. Северный ветер сдувал осень.

– Кто все эти люди? – спросила Кафа. – Почему они возвращаются на место преступления? Они пытаются нас найти? Неужели не понимают, как рискуют?

– Или они просто не парятся. Наглые, – сказал Фредрик, выпрямившись на сиденье. – В этой игре больше двух игроков. Парень с ледорубом что-то искал в квартире Морениуса. Я думаю, его права. Потому что это единственное, что объединяет Акселя Тране и Морениуса. Если бы мы не нашли права на вилле на Бюгдей, мы бы никогда не связали эти два дела между собой.

Кафа посмотрел в зеркало на лобовом стекле, чтобы увидеть Фредрика.

– Но убийца со старухой очевидно не очень-то ладят, – продолжил он. – Я думаю, она уже вымывала квартиру, когда он пришел. Он застал ее врасплох. А она его увидела, и поэтому ее нужно было прикончить.

– Так кто она такая? И тот бегун? – вставила Кафа.

– Смотри, что они творят. У Морениуса есть фиктивная фирма и фальшивые документы. Как только мы начинаем копать, всю информацию отовсюду удаляют. Они получают полномочия от суда на изъятие улик по делу об убийстве. Они ездят в машине с незарегистрированными номерами, и у них есть оснащение, знания и средства, чтобы накачать наркотой полицейского, пока они чистят квартиру.

Он посмотрел на Кафу в зеркало.

– Не существует преступных организаций, которые занимались бы такими вещами. Не в Норвегии. Это какая-то проклятая секретная служба.

Фредрик процедил это сквозь зубы.

– Скорее всего, Микаэль Морениус работал на этих людей. Был агентом. Он, должно быть, видел что-то, знал что-то или занимался чем-то, таким секретным, что его пришлось пытаться, чтобы добыть из него эту информацию. А заказчики явно желают сделать все возможное, чтобы мы не раскрыли эту тайну.

Они оба некоторое время молчали. И только на подземной парковке в участке Кафа нарушила тишину.

– Я знаю, как убили Аксея Тране.

Глава 32

Наступил вечер, и офис начал пустеть, когда туда пришли Кафа с Фредриком. Кафа опустила ножки стола и встала на место, обычно занимаемое Коссом.

– Акселя Тране отравили в столовой, втащили на лестницу, и там убийца ударил его головой о ступеньку. Кофейную чашку специально уронили рядом, чтобы все выглядело, как несчастный случай.

Она запнулась и поправила себя:

– Убийцы. Их должно было быть несколько. Никто не смог бы передвинуть такую тушу в одиночку.

– Отравили? Почему ты так уверена в этом? Теперь? – спросил Фредрик.

Кафа достала из сумки фотографию. На ней был изображен шкафчик с лекарствами из виллы на Бюгдей, в котором они нашли бритву Акселя Тране.

– В парке я подумала, что бегун ограбил меня только на том основании, что он сбил меня с ног, помнишь? В шкафчике мы нашли бритву. Это доказывало, что в квартире жил мужчина. Но в обоих случаях я не на том заострила внимание. Я пропустила самый важный предмет в том шкафчике. Вот этот, – сказала она, показав пальцем на толстый, красный предмет, похожий на фломастер, с маленьким электронным экраном на боку.

– Шприц с инсулином?

– Инсулиновая ручка, – поправила она. – Довольно *хайтековая*. Десять лет назад, когда умерла Герда Тране, таких еще не было.

Именно поэтому эта мысль не пришла ей в голову раньше, пояснила Кафа. Ведь когда она нашла лекарства, она думала, что вдова еще жива. И Кафа естественно предположила, что инсулин, лекарства от давления и болеутоляющие таблетки принадлежали ей.

– Но, видимо, у фру Тране диабета не было. А вот у Акселя Тране, наоборот, диабет был, и его мучали боли. Так бывает, когда набираешь восемьдесят кило за двадцать лет. И человек, убивший его, знал о болезни. Аксель в результате передоза инсулина получил инсулиновый шок и потерял способность защищаться. На лестнице убийцы разбили его голову о ступеньку.

– Почему ты думаешь, что его отравили в столовой? – возразил Фредрик.

– Ты сам это видел. Ковер в гостиной пахнет кофе.

Кто-то пришел в гости к Акселю Тране. Кто-то, кто знал его тайну. Знал, что тот жив. Они вместе сидели в столовой, пили кофе, и когда пришло время укола, Аксель поднял свитер, взял пальцами складку жира и сам себя отравил. Его затрясло, и чашка с кофе полетела на пол.

– Пятна кофе на носках образовались, когда его волокли по полу. Должно быть, не просто было затащить его на лестницу. Может быть, он еще и сопротивлялся. Тогда они и потеряли водительские права.

– Но... передоз? Обычно диабетики четко контролируют свои дозы?

Она пожала плечами.

– Это могла быть концентрированная доза. Может быть, какие-то манипуляции с инсулиновой ручкой. Не знаю. По регистру населения он вообще был мертв, так что сомневаюсь, что рецепты на лекарства ему выписывал терапевт. Скорее всего, Акселю кто-то доставал инсулин – кто-то, кому он доверял.

Фредрик по-прежнему был настроен скептически.

– Почему ты уверена, что именно инсулин был ядом?

– Это могло быть все что угодно. Но мы знаем, что на вилле имелся инсулин. А это гормон, который вырабатывает сам организм. И впоследствии почти невозможно доказать, что причиной смерти стало преднамеренное отравление.

Глава 33

Каин вздрогнул, когда переднее колесо уперлось в тротуар и сдавленная резина мучительно закричала. Машину тряхнуло, и он стал выруливать на проезжую часть. Черт, черт. Тут же люди ходят. В зеркале он увидел, как на него показывают две женщины, и он рванул вдоль улицы Моссевейен. Дизельный мотор яростно взревел.

Каин фыркнул. Его уже подстерегали за дверью раньше. Но чтобы шестидесятилетняя уборщица с оружием – никогда. Видимо, он и сам уже стареет.

Шел снег, и на улицах было немногочленно. Каин тут уже проезжал, но не представлял себе, где еще можно поискать. Он был и в центре, и вдоль реки Акерсэльва, и у фьорда. Что такого сделала врач, чтобы так страшно испугать Лин? Зачем так поступать?

На «Р4» ничего не сказали, и слава богу. Эта радиостанция всегда сообщала, если что-то случилось. Если находили какой-нибудь труп или что-то подобное. Значит, Лин где-то там. Должна быть. Он в ярости ударил рукой по кнопочной панели на руле.

На съезде к Ормея он свернул. Он знал, что там, по дороге к порту, есть гравийная площадка. Там он и припарковался. В прежние времена бывало, что он приводил сюда должников. Бетон и краны на кораблях заставляли разыгрываться людское воображение.

В бардачке лежал пакет с порошком, и, подобно маслу растекаясь по телу, бупренорфин успокоил переменчивый нрав Каина. Исчезли беспокойство и боль в животе. Голова Каина склонилась набок, и он посмотрел на пассажирское сиденье.

Там лежал ледоруб. Каин сосредоточился, и мысли взяли верх над звуками.

Почему именно ледоруб? Почему не топор, не нож и не пистолет? Наверное, давняя привычка. Как-то однажды он понял, что оружие как таковое не разумно. Ведь страх возникает не от того, что с тобой *могут* сделать. Страшно становится от того, *как*. Тут срабатывают известные тебе ощущения, и было бы сложно вообразить, каково это – когда в тебя стреляют. А нож такой маленький и неказистый. А топор... черт возьми, он же все-таки не неандерталец какой-нибудь.

А вот ледоруб – другое дело. Изогнутая головка из блестящей как зеркало стали с идеальными ровными гранями. Рукоятка из отшлифованного дерева, обернутая кожей. Вот такое зрелище точно вызывает страх. Каин с ледорубом. Это вовсе не тот человек, с которым можно сидеть и разглядывать птиц, парящих над фьордом. И какое-то время Каин зарабатывал на этом страхе. Стучал в дверь, объяснял, кто он такой и о какой сумме идет речь. Ледоруб просто позвякивал на кожаном ремешке вокруг запястья, и тысячные купюры падали на стол.

Но это было давно. До того, как наркота истощила его, сделала уязвимым. И теперь от крупного бизнеса он вынужден был перейти к мелкому. От былых времен у него едва ли что-то осталось. Кроме ледоруба. И воспоминаний. И Лин.

Желеобразная мозговая масса по краям раны. Зияющая дыра в черепе. Тяжесть оружия в руке. Запах кишок, запекшейся крови и экскрементов. Глаза. Он просыпался по ночам. С лежащей на его груди головой Лин и ее хрупкими руками на его плечах. Она гладила его по спине, не обращая внимания на пот, и целовала в затылок. Утешала его. Воспоминания о психозе. Амфетаминовые воспоминания.

Когда он пришел в себя, уже стемнело. На лобовом стекле мерцали ореолы света от портовых огней, и, видимо, он так крепко спал, что кто-то сумел написать «идиот» по снегу на капоте.

Каин сел прямо и завел машину. Сегодня вечером искать он больше не может. *Он* звонил. Каин знал, по какому поводу, поэтому не стал перезванивать. Пришло время платить по счетам.

Теперь его очередь выкладывать тысячные купюры на стол. Если говорить образно. Ведь речь тут идет не о деньгах. А о намного более серьезных вещах.

– Идиот, – пробормотал он. Какой же он идиот, сунул права Микаэля Морениуса себе в карман. Он сделал это по старой привычке. Фальшивое имя? Для таких людей, как Каин, в любой момент может возникнуть необходимость в этом. А нужно было, чтобы парень просто сгнил. Сгнил и исчез.

У кладбища «Вор Фрелсерс» Каин свернул и припарковался в самом начале Акерсбаккен, куда только смог доехать. Отсюда он мог видеть кирпичный замок, возвышающуюся крепость, построенную когда-то во времена войны, одна из стен которой выходила на парк в южной части площади Александра Кьелланда. Каин сидел неподвижно до тех пор, пока свет в салоне не потух. Он наклонился вперед и посмотрел. Никаких изменений. Жалюзи за грязными окнами были по-прежнему опущены. Он видел, как в соседней квартире кто-то поставил на окно подсвечник с светодиодными свечками. Свеча посередине не работала. Этажом выше в окне висела звезда. Но у русского было темно. Хоть глаз выколи.

Нужно только завершить последнее дело, и тогда Лин вернется. Тогда он спросит ее.

Он все спланировал. Поработать несколько месяцев, отложить денег и увезти Лин с собой в Таиланд. Лин так много говорила об этом. Рисовала картины – солнце цвета красного апельсина над рисовыми полями. Семейные ужины. Братья и сестры. Дядя, который привез ее в Норвегию, думая, что Каин держит ресторан, и сказавший, что там она будет работать.

Каин так и не открыл ей правды. О конверте с тремя тысячами евро, которые он заплатил в тот день, когда четырнадцатилетняя Лин стояла в аэропорту Гардермуэн.

Что было, то было. Тогда он не любил ее. А теперь любит.

Она согласится. Он был уверен в этом. Но прежде ему нужно слезть с наркотиков.

Каин пообещал брату избавиться от «БМВ». Отчистить его, облить бензином и дать огню сделать свое дело. Но затем пропала Лин.

Он подумал о пакетике с порошком, лежавшем в багажнике. Хорошо было бы. Слишком хорошо. Он опять заснет. Но все же вместо этого он схватил спрей с чистящим средством с заднего сиденья и принялся неистово чистить салон. Дверь, руль, лобовое стекло и ручку коробки передач. Запах тела сменился неприятным химическим едким запахом. Он кинул тряпку назад. Там лежали шоколадные сердечки в красной фольге и цветы в целлофане. Он просил розы, высокие красные розы, но продавщицы настаивали на ирисах. Ирисы цвета морской волны и белые лилии с лиловыми сердцевинами.

– Лилии? – спросил он. – Разве это не похоронные цветы?

– Они говорят о вашем хорошем вкусе, – ответила цветочница.

Он хотел открыть окна, чтобы сначала выпустить вонь. Но тут он увидел его. В жалюзи раздвинулась крошечная щелка.

Глава 34

Выпавший снег укутал город серебристым плащом. Мерцающий блеск освещал ночь, заставляя звезды сиять во всю мощь, как если бы они хотели быть увиденными.

Из окна полицейского участка, просторного здания, возвышавшегося над всем разноцветным населением Гренланды, Фредрик смотрел на ночное небо. Был вечер воскресенья, выходной, но, несмотря на это, он был тут.

Ему вспомнилась одна ночь много лет назад. Ночь, когда он стоял на балконе со своей матерью. «Звезды рождаются, когда умирает ребенок, – говорила она. – И гаснут, когда последняя душа, помнившая об этом ребенке, покидает эту жизнь».

А потом они читали «Отче наш».

Что же он упустил? Что за звезды светили, но не давали себя увидеть в свете расследования? Фредрик посмотрел на записную книжку, которую бросил на пол, и оглядел погруженный в темноту офис.

В квартире Микаэля Морениуса во Фрогнере не сохранилось ни единого следа. Не осталось ни одной тайны на вилле на Бюгдей. Он звонил уже бесчисленное количество раз на номер уборщицы из подвала, который ему дал Андреас. Результат был всегда один и тот же. Автоответчик, говорящий в нос.

Фредрик поднял записную книжку. Как только он шевельнулся, включился свет. Фредрик так долго стоял, не двигаясь, что сенсоры, видимо, решили, что в здании никого нет. Он прошел между столами, заваленными бумагами и записями, мимо пучков проводов от компьютеров, мониторов и ламп, мимо кофейных чашек и мусорных ведер для бумаги, стекла и пластика.

Фредрик остановился у стола одного вечно угрюмого парня. Франке. Ветерана полиции, которому против его воли назначили рассмотрение дела о жестоком обращении с ребенком, от которого сумел отговориться Фредрик. Они не разговаривали с того дня. Папка с этим делом лежала на столе. Фредрик открыл ее. Какие ужасы судьбы прошли мимо него?

Там было про женщину. Ее звали Милла Мадсен. Ей было чуть за тридцать, и она связалась с мужчиной. Не с каким-то там мужчиной. Она прочитала про него в газете, как объяснила на допросе. Его осудили за убийство жены, и Милла Мадсен отправила ему письмо с вопросом, может ли она за него помолиться. Он разрешил. Вскоре она пришла к нему на свидание. Чтобы восславить Господа вместе. Он был намного старше ее, и как оказалось, хороший мужик. Она влюбилась в него, и они уединились в семейной комнате в тюрьме Ила. Когда его выпустили, около полугода назад, он переехал к Милле. У них родилась дочка. Ей два года. Но посмотрите на него. Он решил, что ребенок слишком много кричит. Все время виснет на матери. Он отверг, а затем и начал бить двухлетнюю малышку. Потом и мать тоже попала под руку.

Дура баба. Вот почему Фредрик так ненавидел эти дела. Он всегда презирал преступников. Но зачастую он презирал и жертв. Женщин, это всегда были женщины, которые думали, что обладают избавляющей силой при столкновении со злом.

Господи, как же они страдали за свою глупость. Господи, какую цену за это платили дети.

Теперь мужчина в розыске. Он исчез, вскоре после того, как отец Миллы Мадсен силой привел ее в участок и заставил заявить на сожителя.

Эту свинью звали Педер Расмуссен.

Педер Расмуссен?

Фредрик похолодел. Быстро пролистал до последней страницы в папке, там обычно лежали фотографии.

Господи.

На фото был лысый мужчина в летах. Узкие, злобные глаза.

Это он. Мужчина с фотографии, лежавшей на письменном столе в подвале Микаэля Морениуса.

Теперь Фредрик вспомнил. Наконец он вспомнил точно, когда в последний раз он смотрел в эти узкие, уродливые поросячьи глазки.

Это было восемь лет назад, и этот день выдался одним из самых холодных на памяти Фредрика. Его с Андреасом направили в желтый деревянный дом в Галгеберге после сообщения о шуме в доме. Фармацевт Педер Расмуссен убил свою жену. Он затащил Фредрика в квартиру, и когда Андреас и парни из отряда «Дельта» вломились, чтобы спасти его, Педер Расмуссен крикнул своему сыну:

– Стреляй в этих сволочей! Стреляй!

Глава 35

Тем вечером, восемь лет назад, на ночном небе зажглась новая звезда.

Эта звезда не потухнет. Пока Фредрик, Андреас и трое крепких полицейских из отряда мгновенного реагирования не будут лежать в могиле.

Фредрик не пошел домой. Вместо этого он открыл все окна в офисе, которые можно было открыть, и лег на один из красных дизайнерских диванов с высокой спинкой, стоявших вдоль окон. И смотрел в потолок до тех пор, пока не погас свет.

Восьмилетний мальчик успел сделать один-единственный выстрел. Он попал в дверной косяк, в полуметре от парней. Его мать они нашли в ванной. Она была голой, с разнесенным выстрелом лицом. Словно добыча охотника она лежала, истекая кровью. Во время судебного разбирательства Педер Расмуссен рассказал, что она хотела забрать у него сына. И что полиция помешала ему упаковать ее в мешок и отнести в лес, не дав возможности похоронить ее с достоинством, чтобы сын смог попрощаться. Она же как-никак была его матерью.

Ложь психопата, конечно же. На этой планете нет такой лопаты, которая смогла бы пробить замерзшую зимнюю землю. Но мать все же похоронили с достоинством. И мальчика тоже. Они лежат рядом друг с другом, она в большом гробу, а он в гробу поменьше, под деревом на столичном кладбище.

В управлении пошли разговоры об этом. Расстояние в три метра. Лучшие обученные сотрудники полиции в Норвегии. И только один из четырех выстрелов попал в цель. Но кто же мог выстрелить в ребенка? Пуля попала в сердце.

Никто так и не узнал, кто из четверых убил мальчика. Смысла выяснять это не было. Все понимали, что это случилось в целях самозащиты. Никому из полицейских не нужно было признаваться, что это его пуля убила мальчика. Андрей. Его звали Андрей.

– Кофе?

Андреас сел на диван напротив и пододвинул к Фредрику чашку на низком стальном столе. Фредрик хмыкнул.

– Ты что, вчера работал? В воскресенье?

Фредрик довольно быстро уснул и спал крепко. Носовые пазухи пересохли от сухого воздуха, и кровь моментально прилила к голове, когда он сел. Не говоря ни слова, он схватил очки, поднялся, достал зубную щетку и маленький тюбик пасты из ящика стола и отвернулся. Застегнул рубашку и вытер слезы.

– Педер Расмуссен, – гаркнул он.

Андреас провел руками по кудрям и откинулся на спинку кресла. Фредрик не смог прочесть выражение его лица.

– Это было адское дело.

– Слишком адское.

Фредрик объяснил, что на фото в подвале Микаэля Морениуса – Педер Расмуссен.

Коллега посмотрел на него с таким лицом, словно тот сидел и сочинял.

Расмуссена выпустили полгода назад. Едва освободившись, он сразу начал колотить новую дамочку и ребенка. Этим делом занимается Франке.

– С какого хрена Педер Расмуссен имеет отношение к нашему расследованию?

Андреас нагнулся вперед и приглушил голос.

– Фредрик, ты уверен, что ничего не путаешь? Тебя же били по голове в последнее время?

Фредрик с удивлением посмотрел на Андреаса. Такой реакции он не ожидал.

– Он в розыске. Ты знал, что его выпустили?

Андреас покачал головой.

– Разве не поразительно, что это произошло так быстро? – продолжил Фредрик.

– Минимальный срок, – ответил Андреас. – Наверное, за хорошее поведение.

Фредрик фыркнул.

– Он изменил внешность. Вот почему я не узнал его сразу на том фото. Он бритый наголо. Довольно сильно постарел за решеткой... – Фредрик немного подумал, – ... тот взгляд, Андреас. Сощуренные, впалые глаза. Это он. Я уверен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.